

Тертуллиан

Апологетик Тертуллиан

Глава [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) [11](#) [12](#) [13](#) [14](#) [15](#) [16](#) [17](#) [18](#) [19](#) [20](#) [21](#) [22](#) [23](#) [24](#) [25](#)
[26](#) [27](#) [28](#) [29](#) [30](#) [31](#) [32](#) [33](#) [34](#) [35](#) [36](#) [37](#) [38](#) [39](#) [40](#) [41](#) [42](#) [43](#) [44](#) [45](#) [46](#) [47](#) [48](#) [49](#) [50](#)

Глава 1

1. Если вам, представители римской власти, председательствующим на открытом и высоком месте, почти на самой вершине государства для того, чтобы производить суд, не дозволено явно разбирать и лично исследовать, в чем собственно состоит дело христиан; если относительно этого только одного дела ваша власть или боится или стыдится публично производить дознания по строгим правилам справедливости; если наконец, что случилось весьма недавно, ненависть к этой секте, чрезмерно деятельная в домашних судах, заграждает путь к защите: то да позволено будет истине дойти до ваших ушей по крайней мере тайным путем беззвучных букв.

2. Она ничего не выпрашивает своему делу, потому что и не удивляется своему положению. Она знает, что она живет на земле, как чужестранка, что между чужими ей легко найти себе врагов; но при этом знает, и то, что она имеет свое происхождение, жилище, надежду, любовь к себе, честь на небесах. Теперь одного только она желает, чтобы не осуждали ее, не узнав ее.

3. Что потеряют законы, господствующие в своем царстве, в том случае, если ее выслушают? Не тем более ли будет прославляться сила их, если они будут осуждать ее, даже выслушав ее? Но если они будут осуждать ее, не выслушав ее, то кроме упрека в несправедливости, будут заслуживать подозрение в некотором сознании, именно: не хотят выслушивать ее потому, что не в состоянии осуждать ее по выслушивании ее.

4. Итак мы поставляем пред лицом вашим первую причину несправедливой ненависти к имени христиан это. Эту несправедливость та самая причина, которая по-видимому ее извиняет, на самом деле и обвиняет и осуждает ее, то есть, незнание. Ибо что несправедливее того, что люди ненавидят то, чего не знают, хотя оно и заслуживало бы ненависти. Ибо тогда только оно заслуживает ненависти, когда разумеют, заслуживает ли оно.

5. Если же знание вины отсутствует, то чем защищается справедливость ненависти, которую должно оправдать не тем, что есть, но знанием. Так как ненавидят потому, что не знают, каково есть то, что ненавидят, то почему оно не может быть таким, чего они не должны бы ненавидеть? Итак мы доказываем одно другим: и то, что они не знают, потому что ненавидят, и то, что они несправедливо ненавидят, так как не

знают.

6. Доказательство незнания, которое осуждает несправедливость в то время, как защищает, есть; ибо все, которые прежде ненавидели, потому что не знали, каково то, что ненавидели, перестают и ненавидеть, лишь только перестают не знать. Из них делаются христиане, конечно, благодаря приобретению точного знания, и они начинают ненавидеть то, чем были прежде, и проповедовать то, что раньше ненавидели, и их теперь столько, сколько и нас обвиняемых.

7. Вопяют, что государство наполнено христианами, что христиане находятся в деревнях, городах, на островах; сокрушаются о том, что люди всякого пола, всякого возраста, всякого звания и всякого сана принимают христианство, как бы о великом бедствии.

8. Однако это самое побуждает их предполагать, что здесь скрывается какое либо благо. Им непозволительны некоторые предположения, им неуютно поближе познакомиться с делом. Здесь только человеческая любознательность цепенеет.

9. Любят не знать, тогда как другие радуются, что узнали. Насколько больше Анахарсис осудил бы этих не знающих, которые однако судят о знающих, чем тех необразованных, которые однако судили об образованных? Им желательнее не знать, потому что они уже ненавидят. Поэтому они наперед решают, что то, чего они не знают, таково, что они не могут не ненавидеть, если узнают. Ибо если не найдется никакого разумного основания к ненависти, то, конечно, самое лучшее будет оставить несправедливую ненависть. Если же установлена будет преступность, то у ненависти не только ничего не отнимется, но напротив она приобретет себе непоколебимость даже авторитетом самой справедливости.

10. Но, говорят, христианство не должно считать благом потому только, что оно многих обращает на свою сторону, ибо сколько таких, которые всецело предаются злу, которые перебегают на сторону развращения. Кто это отрицает? Однако то, что действительно есть зло, даже те самые, которых оно поработывает, не осмеливаются защищать, как добро. Природа всякое зло покрыла одеждою страха или стыда.

11. Так злодеи сильно желают скрываться; стараются не показываться; трепещут, если бывают пойманы: отрицаются, если их обвиняют; нелегко и не всегда сознаются даже в том случае, если их подвергают пыткам, жалуется, если их справедливо осудят, пересчитывают в себе самих проявления злой воли, приписывают их или судьбе или звездам. Ибо они не хотят, чтобы им принадлежало то, что они

признают злом.

12. А христианин делает ли что либо подобное? Никому не стыдно; никто не раскаивается, разве только в том раскаивается, что раньше не был христианином. Если кто порицается, то он этим славится; если обвиняется, то не защищается; спрошенный сознается даже добровольно; осужденный воздает благодарность.

13. Что это за зло, которое не имеет натуральных свойств зла: страха, стыда, увертки, раскаяния, плача? Что это за зло, ответчик за которое радуется, обвинение в котором есть желание, а наказание за которое есть блаженство? Ты не можешь назвать его безумием, так как ты изобличен в незнании.

Глава 2

1. Но если достоверно то, что мы преступники и притом величайшие; то почему вы сами относитесь к нам не так, как к подобным нам, то есть, к прочим преступникам, хотя к одному и тому же преступлению должно было бы быть одно и тоже отношение?

2. Когда другие обвиняются во всем том, в чем мы обвиняемся, то они для доказательства своей невинности и сами себя защищают и пользуются наемными адвокатами. Им открыта возможность и отвечать и возражать, так как и вообще не дозволено осуждать тех, которые не защищались и не выслушивались.

3. Но одним только христианам не дозволяют ничего говорить, что оправдывало бы их дело, что защищало бы истину, что и предохраняло бы судью от несправедливости. Только того и ожидают, что необходимо для общественной ненависти, именно: признания в имени, а не расследования преступления.

4. Когда производите следствие по делу какого либо преступника, то вы произносите приговор не тотчас после того, как он объявит себя человекоубийцею, или святотатцем, или кровосмесником, или общественным врагом (я называю свои елогии), но после того, как узнаете свойство преступления, число, место, образ, время, свидетелей, соучастников.

5. С нами ничего такого не делают, хотя должно было бы расследовать все то, в чем ложно обвиняют нас, а именно: сколько каждый из нас пожрал умерщвленных детей? сколько при погашенных свечах уже совершил кровосмешений? какие были при этом повара, какие собаки? О, какая честь была бы судье, если бы он открыл того, который пожрал уже сотню младенцев!

6. Напротив, мы знаем, что разыскивать нас даже запрещено. Когда Плиний Младший управлял провинциею, то он, одних христиан осудив, а других лишив должностей, обратился за разрешением к тогдашнему императору Траяну, что ему делать на будущее время, так как он был смущен самым множеством их. К этому Плиний Младший присовокупил, что он, кроме решительного отказа приносить жертвы, узнал о них только то, что у них бывают собрания до рассвета для прославления Христа, как Бога, и для распространения учения в своем обществе, и что они запрещают человекоубийство, прелюбодеяние, обман, вероломство и прочие преступления.

7. Тогда Траян ответил ему: хотя людей этих отыскивать не должно, но наказывать должно, если их представят.

8. О решение, по необходимости смешанное! Он утверждает, что людей этих не должно отыскивать, как невинных, а вместе с тем повелевает наказывать их, как виновных. Он щадит и свирепствует; он скрывает и открывает. Зачем ты проводишь себя самого таким решением? Если осуждаешь, то почему не отыскиваешь? Если не отыскиваешь, то почему и не освобождаешь? Для отыскивания разбойников избирается по жребию военная стража во всех провинциях. По отношению к виновным в оскорблении императорского величества и по отношению к общественным врагам всякий человек есть воин. Розыски распространяются на соучастников и свидетелей.

9. Одного только христианина не дозволено отыскивать, а представлять дозволено, как будто отыскивание имеет сделать что-либо другое, кроме представления. Итак вы осуждаете представленного, которого никто не хотел отыскивать, который, мне кажется, уже не потому заслужил наказание, что виновен, а потому, что найден тот, которого не должно было найти.

10. Вы поступаете с нами не по закону судопроизводства над преступниками и в том еще, что их, если они отрекаются, вы подвергаете пыткам для того, чтобы они признались, а нас – для того, чтобы мы отреклись. Но если бы действительно то было зло, что мы открыто признаем; то тогда мы, конечно, стали бы отрекаться, а вы принуждены были бы заставлять нас к признанию пытками. Вы не в праве полагать, что преступления не должно открывать при помощи розысков потому, что вы знаете о совершении их из признания имени; так как вы, зная, что такое человекоубийство, тем не менее, когда преступник сознается в этом, стараетесь узнать образ совершения этого преступления.

11. Так как вы предполагаете о наших преступлениях из признания имени; то для вас тем преступнее принуждать нас отрекаться от этого признания, чтобы мы, отрекаясь от него, вместе с тем отреклись и от тех преступлений, о которых вы предполагаете из признания имени.

12. Но, я полагаю, вы не хотите, чтобы мы, которых вы считаете отъявленными преступниками, гибли. Поэтому, конечно, вы обыкновенно, говорите человекоубийце: «отрекайся», и если он упорствует в своем признании, то вы, обыкновенно, повелеваете подвергать его пыткам, как безбожника. Если вы поступаете с нами не так, как с виновными; то следовательно вы признаете нас невинными. Поэтому как будто вы не хотите, чтобы мы, невинные, оставались при своем признании, о котором

вы знаете, что его должно осуждать по необходимости, а не по справедливости.

13. Человек говорит во всеуслышание: я христианин. Он говорит то, что он есть; а ты хочешь услышать то, что он не есть. Вы, заботящиеся об открытии истины, от одних только нас стараетесь услышать ложь. Он говорит: я то, о чем ты спрашиваешь, я ли это. Зачем ты толкаешь меня на ложь. Я признаюсь, а ты подвергаешь пыткам. Что же ты стал бы делать, если бы я стал отрекаться? Другим, если они отрекаются, вы, конечно, не легко верите; а нам, если мы отрекаемся, вы тотчас верите.

14. Такое извращение должно было бы навести вас на ту мысль, не скрывается ли здесь какая либо тайная сила, которая заставляет вас поступать вопреки формы, вопреки обычая судопроизводства и вопреки также самих законов. Ибо, если я не ошибаюсь, законы повелевают открывать преступников, а не скрывать их; они предписывают осуждать признавшихся, а не освобождать. Таковы постановления сената, таковы мандаты императоров, такова та власть, служителями которой вы состоите. Ваше господство гражданское, а не деспотическое.

15. У деспотов пытки употребляются и как наказание, а у вас они допускаются только для расследования дела. Ими храните вы закон до сознания, а если сознание предваряет их, то тогда они становятся уже ненужными. Тогда нужно решение; тогда преступник должен удовлетворить долгу наказания и не должен быть освобожден, поэтому никто и не желает освободить его;

16. непозволительно желать этого; поэтому и никого не принуждают отрекаться. Христианина ты считаешь виновным во всякого рода злодеяниях, врагом богов, императоров, законов, обычаев, всей природы, и однако принуждаешь отрекаться, чтобы освободить его, которого ты не можешь освободить, если он не отречется.

17. Ты действуешь против законов, ибо ты хочешь, чтобы он утверждал то, что он невинен, чтобы ты мог объявить его таким даже вопреки его желанию, и чтобы он не был ответственен за прошедшее. Откуда такое помрачение, что вы не поразмыслите о том, что должно более верить тому, кто сознается по доброй воле, чем тому, кто отрекается по принуждению? Принужденный к отречению разве искренне и по убеждению отречется? И освобожденный разве не может посмеяться тут же пред самым трибуналом над вашею ненавистью, сделавшись опять христианином?

18. Итак поелику вы поступаете с нами во всем иначе, чем с прочими преступниками, помогаясь одного, чтобы мы отреклись от своего имени

(мы, конечно, отрекаемся, если делаем то, чего не делают христиане), то отсюда вы легко можете понять, что в деле нашем нет никакого преступления, а есть только имя, которое какой-то дух враждебной силы преследует, стараясь прежде всего о том, чтобы люди не хотели точно звать то, относительно чего им прекрасно известно, что они не знают.

19. Поэтому и верят относительно нас тому, что не доказано, и не хотят производить следствия, чтобы не было доказано, что того нет, верить чему они очень хотят, чтобы имя, ненавистное тому враждебному духу, осуждалось за преступления предположенные, а не доказанные, на основании одного только признания. Нас мучат, когда мы сознаемся; нас казнят, когда мы остаемся непоколебимы; и нас освобождают, когда мы отрекаемся, потому что сражение идет из-за имени.

20. Наконец, почему вы с дощечки читаете вслух, что он христианин? Почему не читаете, что он человекоубийца? Если христианин человекоубийца, то почему и не кровосмешник, или почему он не все то другое, существование чего вы признаете в вас? Наши только преступления вам стыдно или неприятно называть собственными именами. Если христианин не виновен ни в каком преступлении, то имя его есть преступление. Если преступление принадлежит одному только имени, то оно очень опасно.

Глава 3

1. Что значит то, что очень многие, сомкнув свои глаза, так ненавидят это имя, что, давая о ком либо хороший отзыв, порицают его за одно имя. Один говорит: «хороший человек Гай Сей, только что христианин». А другой говорит: «я удивляюсь, что Луций Тиций, благоразумный муж, вдруг сделался христианином». Никто не поразмыслит, не потому ли Гай хорош и Луций благоразумен, что они христиане? Или не потому ли они христиане, что одни из них хорош, а другой благоразумен?

2. Хвалят, то, что знают, порицают то, что не знают, и на то, что знают, нападают тем, чего не знают. Но справедливее было бы судить о неизвестном по известному, чем осуждать известное по неизвестному.

3. Иные тех, которых они до принятия ими христианства знали за людей ветреных, пустых и бесчестных, порицают тем, чем хвалят. Они подают свои голоса во мраке ненависти. Какая женщина! Как игрива! Как жадна до наслаждений! Какой молодой человек! Как игрив! Как склонен к любовным похождениям! И такие то люди сделались христианами. Итак причину исправления считают имя.

4. Некоторые вступают в договор с этою ненавистью на счет своих выгод, с удовольствием соглашаются на несправедливость, лишь бы не иметь в доме того, что ненавидят. Муж, уже не ревнивый, прогоняет свою жену, уже верную. Отец, прежде снисходивший к своему сыну, теперь отказывается от него, уже послушного. Господин, некогда кроткий, теперь прогоняет с глаз долой раба, уже верного. Лишь только кто делается лучшим, благодаря этому имени, то тотчас возбуждает сильную ненависть. Не столь велико благо, сколь велика ненависть к христианам.

5. Итак если ненавидят одно только имя, то спрашивается, в чем обыкновенно обвиняются имена или слова? Ни в чем другом, как только в том, что звучат барбаризмом, или предвещают несчастье, или содержат в себе злоречие и бесстыдство. Христианин же, как показывает этимология этого слова, происходит от помазания. Да и имя христианин, неправильно вами произносимое (ибо вы не знаете точно даже имени нашего), обозначает приятность или благость. Итак ненавидят в людях невинных и имя невинное.

6. Но секту ненавидят, конечно, за имя Основателя ее. Но что в том нового, если какая либо секта берет имя для своих последователей от имени своего основателя? Не называются ли философы по своим основателям платониками, эпикурейцами, пифагорейцами? Не

называются ли также они от мест своих собраний и школ стойками и академиками? Равным образом медики не получили ли своего имени от Еразистрата, а грамматика – от Аристарха, а повара – от Апиция?

7. Однако никого не ненавидят за имя, перешедшее вместе с учением учителя и на учеников. Конечно, если кто доказал бы, что Основатель худ и секта худа, тот доказал бы, что и имя худо, достойно ненависти за виновность секты и Основателя. Поэтому следовало бы прежде, чем ненавидеть имя, узнать секту по Основателю или Основателя по секте.

8. Но так как вы пренебрегли следствием и познанием того и другого, то у вас остается одно только имя, против него только одного идет война, один только простой звук осуждает и неизвестную секту и неизвестного Основателя, потому что эти последние только называются, а не изобличаются.

Глава 4

1. Итак, сделав как бы предисловие для порицания несправедливости общественной ненависти к нам, начну уж защищать дело невинное, и не только отвергну то, в чем нас обвиняют, но и обращу это на самих обвинителей, чтобы отсюда люди знали, что христиане не имеют того, что, как им известно, есть у них самих, и чтобы они устыдились, обвиняя, не говоря, худшие – лучших, но по крайней мере равные – равных себе.

2. Мы будем отвечать отдельно на все то, что, как говорят, мы делаем тайно, но что, как мы знаем, совершают явно те самые, которые нас считают злодеями, лжецами, людьми, достойными осуждения посмеяния. Когда наша истина дает отказ всему, то против нее наконец выставляется авторитет законов.

3. Говорят: после законов не должно делать рассуждений; хочешь, не хочешь, а повиновение им должно предпочитать самой истине. Поэтому я с вами, как хранителями законов, вступлю в прения о законах.

4. Во-первых, какое жестокое постановление вы делаете, говоря: «вам не позволено быть». И это вы предписываете без всякого гуманного рассуждения; вы объявляете насилие и несправедливую тиранию, если утверждаете, что нам не дозволено быть потому, что так вам угодно, а не потому, что того требует долг.

5. Если вы не хотите дозволять потому, что не должно дозволять, то, без сомнения, не должно дозволять то, что худо, и, конечно, этим самым предполагается, что должно дозволять то, что хорошо. Если я найду, что то хорошо, что закон твой запретил, то может ли он по тому предварительному рассуждению запрещать мне то, что он в праве был бы запретить, если бы оно было зло. Если твой закон впал в заблуждение, то, полагаю, он принят от человека, а не произошел конечно от Бога.

6. Удивляетесь ли вы или тому, что человек мог ошибиться, составляя законы, или тому, что он поправил свою ошибку, отвергая их? Ибо законы и самого Ликурга, исправленные лакедемонянами, не принесли ли издателю их столько скорби, что он осудил себя самого на голодную смерть в уединении.

7. Да и вы, благодаря опыту, освещающему мрак древности, не изменяете ли и не отменяете ли ежедневно древние и негодные законы новыми рескриптами и эдиктами императоров?

8. Север, консервативнейший император, не изменил ли недавно пустейшие Папиевы законы, которые повелевали рождать прежде, чем

законы Юлиевы – вступать в брак, не смотря на древность этих законов?

9. Были некогда законы, по которым осужденные должники разрубались на части своими кредиторами. Но такие жестокие законы по общему согласию отменены, и смертная казнь заменена позорным знаком. Употреблявшееся объявление об аукционной продаже имущества хотело скорее подлить крови в человека, чем вылить ее из него.

10. Сколько у вас доселе есть таких законов, которые должно исправить? Законы делает неприкосновенными не число лет, не авторитет их издателей, а одна только справедливость. Поэтому когда делается известною их несправедливость, то они по заслугам осуждаются, хотя и сами осуждают. Как мы называем законы несправедливыми?

11. Если они наказывают за одно только имя, то мы называем их не только несправедливыми, но даже глупыми. Если же наказывают дела, то почему наказывают дела на основании одного только имени. У других наказывают дела после доказательства их виновности, а не на основании одного только имени? Я кровосмешник; почему не производят следствие надо мною. Я детоубийца; почему меня не подвергают пыткам. Я допускаю нечто против богов, против императоров; почему не выслушивают меня, который имеет, чем защититься?

12. Никакой закон не запрещает расследовать то, что запрещает делать; ибо ни судья не может наказывать справедливо, если не узнает, что сделано то, что не дозволено делать, ни гражданин не может верно повиноваться закону, если не знает того, что закон наказывает.

13. Никакой закон не обязан одному только себе сознанием своей справедливости, но он обязан этим и тем, от кого ожидает повиновения. Но тот закон подозрителен, который не желает, чтобы его критиковали. Если же закон господствует без критики, то он произволен.

Глава 5

1. Чтобы сказать что-либо о происхождении такого рода законов, то было древнее постановление, по которому никакой император не мог включать в сонм богов никого без соизволения на то сената. Это знает М. Эмилий по делу своего бога Албурна. В пользу нашу говорит и то, что у вас Божество зависит от человеческого произвола. Если Бог не угоден будет человеку, то не быть Ему богом. Человек уж должен оказывать милость Богу.

2. Поэтому Тиберий, во время которого имя христианское появилось в мир, донес сенату то, что сообщено ему было из Сирийской Палестины, именно, что там открыли истинного Бога, с выражением своего мнения. Но сенат не принял его мнения, так как сам предварительно не исследовал дела. Император же остался при своем мнении и грозил обвинителям христиан наказанием.

3. Раскройте свои комментарии и там вы найдете, что Нерон первый свирепствовал с своим императорским мечем против этой секты, которая распространялась в особенности в Риме. Но такой виновник нашего гонения доставляет нам даже славу; ибо кто знает его, тот может понять, что он ничего не преследовал, кроме великого блага.

4. Преследовал нас и Домициан, часть Нерона по жестокости. Но так как в Домициане еще было нечто человеческое, то он скоро прекратил то, что начал, возвративши даже тех, которых отправил в ссылку. Таковы всегда наши преследователи, люди несправедливые, нечестивые, опозоренные, которых и сами вы, обыкновенно, осуждаете и осужденных которыми оправдываете.

5. Но из стольких императоров, следующих за ними до настоящего включительно, знающих предметы божественные и человеческие, укажите хоть одного, который гнал бы христиан.

6. А мы напротив Марка Аврелия, серьезнейшего императора, объявляем покровителем их, если найдено будет то письмо его, в котором он свидетельствует, что жажда германского войска его была утолена дождем, испрошенным молитвами воинов христианских. Хотя он прямо не отменил наказаний христиан, однако на самом деле некоторым образом устранил их, определив обвинителям их осуждение даже тягчайшее.

7. Каковы поэтому те законы, которыми пользуются против нас люди только нечестивые, несправедливые, развращенные, жестокие, низкие, безумные? Эти законы обошел отчасти Траян, запретив разыскивать

христиан. Этими законами не пользовался ни Адриан, хотя он старался узнать все таинственное, ни Веспасиан, хотя он завоевал иудеев, ни Пий, ни Вер.

8. Конечно, должно полагать, что худшие люди должны быть истребляемы скорее лучшими людьми, как противниками своими, чем своими сообщниками, то есть, худшими.

Глава 6

1. Теперь я желал бы, чтобы благоговейнейшие защитники и охранители отеческих законов и обычаев сказали мне о своей верности, о своем почтении и повиновении постановлениям предков, если они ни от одного из них не отступили, если они ни в одном из них не произвели изменений, если они не уничтожили всего необходимого и наилучшего для дисциплины.

2. Куда же исчезли те законы, которые воспрещали роскошь и тщеславие, которые повелевали тратить на обед не более ста ассов и подавать на стол не более одной курицы и притом неоткормленной, которые изгоняли из сената патриция, как мужа тщеславного, за то, что он имел десять фунтов серебра, которые разрушали театры немедленно после их появления, так как они развращали нравы, которые не дозволяли без основания и ненаказанно пользоваться почетными должностными и родовыми знаками?

3. Ибо я вижу и сотенные обеды, которые должно так называть потому, что на них затрачивают уже сотни тысяч сестерций, – и слитки серебра, обращенного в блюда, и это последнее не только у сенаторов, но даже и не у вольноотпущенников или у тех, которые еще рвут бичи. Вижу я театры, не совсем одинокие и не обнаженные. Ибо, чтобы бесстыдное удовольствие не озябло и зимою, лакедемоняне первые выдумали для зрелищ ненавистную пенулу. Вижу, что между матронами и публичными женщинами не осталось никакого различия в одежде.

4. Исчезли также и те институты предков, которые охраняли умеренность и воздержность женщин, когда ни одна женщина не носила золота, исключая одного пальца ради брачного кольца, которое жених давал в залог любви, когда женщины так воздерживались от вина, что одна матрона за отпечатание шкафчиков винного погреба была наказала от своих родственников голодною смертью, а другая во времена Ромула была безнаказанно умерщвлена своим мужем Метением за то, что дотронулась до вина.

5. Женщины должны были целовать своих родственников для того, чтобы последние могли судить о первых по их дыханию.

6. Где то счастье браков, которое зависело, конечно, от добрых нравов и благодаря чему почти в течение 600 лет от основания Рима ни один брак не был расторгнут? А теперь всякий член женщин обременен золотом, ни одни женские уста не свободны от вина, а развод сделался предметом

желания и как бы необходимым результатом брака.

7. Даже то, что отцы ваши мудро постановили по отношению к самим богам вашим, вы, послушнейшая чада их, также отменили. Отца Либеры с его мистериями консулы по постановлению сената изгнали не только из Рима, но даже из всей Италии.

8. Сераписа, Изиду и Арпократы с его Собачьею головою консулы Пизон и Габиний, которые, конечно, не были христианами, удалили из Капитолия, то есть, из курии богов, разрушив даже их жертвенники, чтобы положить конец их культу, полному суеверий и безнравственности. А вы, возвратив их, оказали им величайшую почесть.

9. Где тут ваша религиозность? Где тут у вас должное уважение к предкам? Вы оставили их одежду, пищу, домашнюю обстановку, образ мыслей и наконец самую речь. Вы постоянно хвалите старину, а между тем ежедневно живете по новому. Так как вы отступили от хороших институтов своих предков, то отсюда ясно, что вы удерживаете и охраняете только то, что не должно удерживать и охранять, тогда как не охраняете того, что должно охранять.

10. В своем месте я покажу, что и то, преданное вам отцами, что вы, по-видимому, весьма верно сохраняете, за нарушение чего вы считаете христиан особенно виновными, – я разумею вашу ревность в почитании богов, относительно чего древность особенно заблуждалась, – вы также презираете, пренебрегаете и вовсе уничтожаете вопреки авторитету предков, хотя вы соорудили жертвенники Серапису, уже римскому, хотя вы совершаете неистовство в честь Бахуса, уже италийского.

11. Ибо теперь я буду отвечать на обвинение нас в тайных преступлениях, чтобы очистить себе путь к критике явных преступлений.

Глава 7

1. Нас называют величайшими преступниками за таинство убиения детей, за едение их потом и за кровосмешение после пира, о чем заботятся собаки, опрокидывая светильники и устроая чрез это своднический мрак для стыдливости, вызываемой преступнейшими похотями.

2. Впрочем в этих преступлениях нас всегда обвиняют, но вы не стараетесь открыть то, в чем так давно нас обвиняют. Итак или откройте это, если верите; или не верьте, если не открыли. Ваше укрывательство свидетельствует вам, что нет того, чего вы сами не дерзаете открыть. Совершенно иную обязанность вы возлагаете на палача, именно не ту, чтобы она говорили, что делают, а ту, чтобы они отвергали то, что они есть.

3. Начало нашего учения идет, как я уже сказал, со времен Тиберия. Истина начала свое существование одновременно с ненавистью к себе: лишь только она появилась, немедленно сделалась ненавистною. У нее столько врагов, сколько чужих, и, конечно, по особнным причинам. Так иудеи враждебны к ней по соревнованию, воины – по вымогательству, рабы – по обыкновению.

4. Мы ежедневно находимся в блокаде, нас ежедневно открывают, нас весьма часто захватывают в самых наших собраниях и сходках. Кто однако когда либо наткнулся при этом на плачущее дитя?

5. Кто сохранил для судьбы окровавленные уста циклопов и сирен в том виде, в каком и нашел их? Или кто в женах заметил какие либо следы неверности? Кто, наконец, открыв такие преступления, скрыл бы их? Или кто продал бы их, ведя с собой самих преступников? Если мы всегда скрываемся, то когда же сделалось известным то, что мы совершаем? Или лучше, кем это могло быть открыто?

6. Самими преступниками во всяком случае не могло быть открыто это, потому что и по закону всех мистерий клятва молчания обязательна. Поэтому мистерии самофракийские и елевзинские тщательно скрываются. Не гораздо ли более должны быть скрываемы те мистерии, которые, будучи открыты, вызывают теперь человеческие наказания, хотя хранятся самим Богом?

7. Итак, если мы сами не открываем своих мистерий, то, конечно, их открывают сторонние. А откуда они знают о них, когда даже дозволенные мистерии не допускают к себе непосвященных и остерегаются всякого рода свидетелей, разве только недозволенные не боятся? Природа молвы

всем известна. Вам принадлежит следующее изречение: «молва есть зло, быстрее которого нет ничего другого».

Почему молва есть зло? Потому что быстра? Потому что доносит? Или потому что весьма часто бывает лжива? Она даже и тогда, когда сообщает какую либо истину, не обходится без лжи: она отнимает от истины что либо, прибавляет к ней что либо и вообще изменяет ее.

9. Что? Ложь есть необходимое условие для существования молвы: она тогда только и продолжает свое бытие, когда передает неправду, и живет до тех пор, пока не докажет. Лишь только она докажет, то перестает существовать, и, как бы исполнивши свою обязанность донесения, передает факт, и с тех пор факт хранится и факт называется.

10. Никто, например, тогда не говорит: «сказывают, что это случилось в Риме», или «есть молва, что он получил провинцию по жребию», но говорят: «он получил провинцию по жребию», и: «это случилось в Риме».

11. Молва, как название недостоверного, не имеет места там, где достоверно. В самом деле верит ли кто-нибудь молве, кроме глупого? Ибо мудрый не верит неверному. Всем должно подумать о том, как происходит молва. Как бы широко ни была она распространена, как бы основание ее, по-видимому, ни было прочно; тем не менее она первоначально должна была произойти от кого либо одного,

12. потом она мало помалу распространяется, проходит по различным языкам и ушам, и с течением времени никто уже не думает о том, что первые уста не посеяли ли ложь. А это бывает часто или по изобретательности зависти, или по произволу подозрения, или по врожденной у некоторых склонности ко лжи.

13. Но хорошо, что время все открывает, как свидетельствуют ваши пословицы и мудрые изречения, по воле самой природы, которая так устроила, что ничто долго не скрывается, даже и то, о чем молва не сделала донесения.

14. Итак не без достаточного основания одна только молва столь долго свидетельствует о злодеяниях христиан. Вы выставляете против нас такого свидетеля, который то, о чем некогда донес и что в течение столь большого периода времени довел до общего мнения, еще не был в состоянии доказать.

Глава 8

1. Чтобы обратиться к свидетельству самой природы против тех, которые предполагают, что этому должно верить, вот мы объявляем награду за эти преступления: они обещают вечную жизнь. Поверьте этому теперь. Ибо я хочу спросить тебя о следующем: и ты, который поверишь, будешь ли иметь столько силы, чтобы достигнуть этой награды, зная вот что:

2. приди, вонзи нож в дитя, которое ни к кому не относится враждебно, которое ни в чем не виновно, которое есть сын всех. Если же все это лежит на обязанности другого, то ты только присутствуй при человеке, который умирает прежде, чем начал жить; выжидай выхода молодой души; лови невинную кровь; напой ею хлеб свой, ешь его с наслаждением.

3. Между тем, садясь за стол, высчитывай места, на которых находятся мать, сестра; замечай эти места тщательно, чтобы тебе не ошибиться, когда наступит собачья тьма, ибо ты совершишь беззаконие, если не сделаешь кровосмешения.

4. Приняв такое посвящение и такую печать, ты будешь жить вечно. Желая, чтобы ты ответил мне: вечность имеет ли такую цену, или нет? Если не имеет, то в таком случае не должно верить в нее. Но допустим, что ты уверовал в нее, тогда я буду отрицать, чтобы ты пожелал ее. Допустим, что ты пожелал, тогда я буду отрицать, чтобы ты мог. Итак почему другие могут, если вы не можете? Почему вы не можете, если другие могут?

5. Я полагаю, что мы другой природы, мы цинопенны или сциаподы; у нас другое устройство зубов, у нас другие нервы для распутной страсти. Ты, который допускаешь это в человеке, можешь и сам это делать; ибо и ты сам такой же человек, как и христианин. Ты, который не можешь это делать, не должен верить этому: ибо и христианин такой же человек, как и ты.

6. Но христиане подвергаются всему этому по неведению. Им ничего такого не было известно о христианских мистериях, хотя, конечно, они знали, что эти мистерии должны в точности исполнять и со всей тщательностью отыскивать.

7. Но, я полагаю, желающие посвятить себя в известные мистерии обыкновенно предварительно обращаются к главному жрецу их с тем, чтобы он сообщил им, что от них требуется. Тогда он сказал бы: тебе необходимо дитя и притом молодое, которое не знало бы, что такое

смерть, которое смеялось бы при виде твоего ножа; необходим также хлеб, чтобы им собрать кровяную жижу; кроме того, необходимы и подсвечники, и лампы, и собаки, и куски, которые побудили бы опрокинуть светильники, а главное ты должен будешь придти с своею матерью и сестрою.

8. Что если они не захотят, или если их не окажется? Сколько действительно христиан одиноких? Я думаю, ты не будешь законным христианином, если ты не брат и не сын.

9. Пусть о всем этом желающие принять христианство не знают до принятия христианства, но зато они после узнают, признают своим и исполняют. Боятся наказаний те, которые заслужили бы покровительство, если бы объявили, которые даже добровольно пожелали бы скорее погибнуть, чем жить при таком условии. Положим, что они боятся, но почему же они продолжают быть христианами? Ибо, конечно, ты не пожелал бы более быть тем, чем ты не был бы, если бы знал наперед.

Глава 9

1. Чтобы еще более защитить себя от этих преступлений, я покажу, что вы сами их совершаете частью явно, частью тайно, почему вы, быть может, верите в существование их среди нас.

2. В Африке явно приносили детей в жертву Серапису до проконсульства Тиберия. Он повесил самих жрецов на тех же деревьях храма его, укрывателей преступлений, на посвященных ему крестах. Так свидетельствуют воины нашего отечества, которые совершили это самое дело при том проконсуле.

3. Но тайно и теперь совершается это священное дело. Не одни только христиане презирают вас; никакое преступление не искореняется на веки, и никакой бог не изменяет своего нрава.

4. Если Сатурн не пощадил собственных сыновей, то тем более он не щадил чужих детей, которых сами родители ему приносили, охотно обещали и ласкали их, чтобы они приносились в жертву без слез.

5. Галлы приносили в жертву Меркурию взрослых. Таврические драмы я оставляю для их театров. Вот в знаменитом, религиознейшем городе потомков Энея есть один Юпитер, в честь которого во время игр его проливают человеческую кровь. Но вы говорите: это кровь гладиатора. А он разве не человек? Не становится ли гнуснее жертва от того, что предметом ее служит дурной человек? Однако действительно кровь проливается вследствие человекоубийства. О Юпитер христианин и единственный сын отца благодаря жестокости его!

6. Но так как нет никакого различия между детоубийством религиозным и произвольным, хотя есть различие между человекоубийством и убиением собственных детей; то я обращаюсь к народу.

Из этих стоящих кругом и разинувших пасти на кровь христиан, даже из вас самих, справедливейших и весьма строгих по отношению к нам, сколько таких, которые пожелают дозволить мне толкнуться к совести их с вопросом, кто умерщвляет собственных детей.

7. Действительно, есть различие и в способе умерщвления. Во всяком случае более жестоко лишать дыхания водою, выбрасывать на холод, голод и собакам, ибо умереть от ножа пожелал бы и взрослый.

8. Так как нам раз навсегда запрещено человекоубийство, то не допускается истреблять даже зародыш, когда кровь еще образуется в человеке. Воспрепятствовать рождению человека значит преждевременно

умертвить его, и нет различия между тем, исторгает ли кто из тела душу уже рожденную, или уничтожает ее рождающуюся. Человек уже и тот, который имеет сделаться человеком; и уже в семени заключается весь плод.

9. Об употреблении крови в пищу и о подобных трагических блюдах читайте то, что где-то рассказывается (полагаю у Геродота), что некоторые народы при заключении договора выпускали из рук кровь и давали друг другу пить ее. Что-то подобное пили, кажется, при Катилине. Говорят, что некоторые скифы съедают каждого своего родственника после его смерти.

10. Зачем далеко ходить? Вот тут доселе знаком посвящения, в мистерии Беллоны служит то, что из надрезанной ляжки берется кровь в ладонь и пьется.

11. Также где находятся те, которые, желая избавиться от падучей болезни, с жадностью пьют свежую кровь зарезанных на арене преступников во время гладиаторских игр? Где же те которые едят мясо диких животных, взятых с арены, которые стараются приобрести себе вепря, оленя? Тот вепрь при борьбе вытер досуха того, кого окровавил, а этот олень лежал на крови гладиатора. Вы сильно желаете мяса таких медведей, которые еще не успели переварить в своих желудках растерзанных ими людей. Поэтому человек, севший такое мясо, рыгает человеком.

12. Как далеко ушли от пиршеств христианских вы, которые едите это? Меньше ли делают те, которые с дикою страстью открывают рты для человеческих членов, потому что они пожирают живых. Не оскверняются ли они человеческою кровью, потому что лижут будущую кровь? То правда, что они не едят детей, но зато едят взрослых.

13. Все это заставляет христиан краснеть, которые не вкушают крови даже животных, которые воздерживаются от всякой удавленины и мертвечины из опасения, как бы не оскверниться скрывающеюся внутри кровью.

14. Наконец между употребляемыми вами пытками христиан находятся и ботулы, наполненные кровью. Вы прекрасно знаете, что христианам не дозволено то, чрез что вы хотите отклонить их от христианства. Как вы верите, что те, которых думаете устрашить животной кровью, открывают свои рты для крови человеческой, разве только вы узнали, что последняя приятнее первой?

15. Вам для испытания христиан должно было бы употреблять и человеческую кровь, подобно тому, как вы употребляете жертвенник и ларчик, ибо христиане чрез вкушение крови человеческой узнавались бы

точно так же, как узнаются они чрез отрицание приносить жертвы. Если бы они стали есть кровь, то это значило бы тоже, как если бы они не стали приносить жертвы. А в человеческой крови у вас при допросе арестантов и осуждении их, конечно, не было бы недостатка.

16. Равным образом кто более виноват в кровосмешениях, как не те, которых сам Юпитер научил этому? Ктезий рассказывает, что персы имеют совокупления с своими матерями. Да и македоняне, кажется, не невинны в этом, потому что лишь только они услышали трагедию Эдип, то, смеясь над скорбью кровосмесника, говорили: ἤλαυνέ εἰς τῆν μητέρα.

17. По рассудите теперь о том, сколько случаев к кровосмешению представляется необузданной похоти. Во первых вы выбрасываете детей в надежде на то, что их поднимет сострадательная рука какого-либо прохожего. Вы далее отказываетесь от них в пользу лучших родителей, которые принимают их к себе путем усыновления. Неизбежно бывает, что с течением времени память о чужом роде исчезает, и если только однажды произошло кровосмешение, то оно потом с успехом распространяется.

18. Тогда потом похоть является спутником на всяком месте: дома, вне дома, за морями. Необузданность ее легко может производить детей от кровных родственников, не зная этого.

19. Нас от этого и подобного этому удерживает необыкновенное целомудрие. Насколько мы удалены от прелюбодеяния и неверности супружеской, настолько же и от случаев к кровосмешению. Некоторые гораздо вернее устраняют всякую возможность к этому преступлению тем, что проводят жизнь девственную. Это – старцы, дети.

20. Если бы вы подумали о том, что это есть у вас, то тогда узнали бы, что этого нет у христиан. Одни и те же глаза вам возвестили бы и то и другое. Но два вида слепоты так легко сходятся, что тем, которые не видят того, что есть, кажется, что они видят то, чего нет. Так я буду доказывать все, в чем обвиняют нас. Теперь буду говорить о явных преступлениях.

Глава 10

1. Вы говорите: вы не почитаете богов и не приносите жертв за императоров. Конечно, мы не приносим жертв за других потому, что не приносим их и за самих себя. Мы раз и навсегда отвергли почитание ваших богов. Поэтому нас обвиняют в оскорблении религии и императорского величества. В этом состоит самая главная вина наша, даже вся, и поэтому должно тщательно рассмотреть ее, чтобы узнать, не осуждает ли нас в этом предрассудок или несправедливость, из которых первый презирает истину, а последняя отрицает ее.

2. Мы перестаем почитать ваших богов с того самого момента, когда узнаем, что они не боги. Итак вы должны потребовать от нас, чтобы мы доказали, что они действительно не боги, и потому их не должно почитать, так как тогда только должно было бы почитать их, когда они были бы действительно боги. И христиан должно было бы наказывать в том только случае, если бы было несомненно, что те, которых они не почитают, потому что думают, что они не боги, на самом деле боги.

3. Но вы говорите: у нас они боги. Поэтому мы обращаемся к совести вашей и апеллируем к ней. Пусть она будет нашим судьей, пусть она обвинит нас, если может отвергнуть, что все ваши боги были люди.

4. Если и она сама упрется на своем, то будет изобличена во лжи известными ей памятниками древности, свидетельствующими до сего дня и о городах, в которых они рождены, и о странах, в которых остались следы их деятельности и в которых показывают места их погребений.

5. Итак говорить ли мне теперь о каждом богах отдельно, столь многих и столь великих: о новых, древних, варварских, греческих, римских, чужестранных, плененных, усыновленных, частных, общих, мужеских, женских, деревенских, градских, морских, военных?

6. Излишне представлять даже роды их. Я хочу сказать кратко и вообще, и не с тем, чтобы научить вас, но с тем, чтобы напомнить вам, ибо вы представляете себя забывшими о происхождении своих богов. До Сатурна у вас не было никакого бога: от него происходят все ваши боги, даже лучшие и известнейшие. Поэтому, что будет установлено о предке, то будет идти и к его потомкам.

7. Но Сатурна, по свидетельству письменных памятников, все признают за человека, именно: Диодор Греческий, Фалл, Кассий Север, Корнелий Непот и все исследователи религиозных древностей. То же свидетельствуют о нем и памятники вещественные. Самые достоверные

памятники этого рода находятся, по моему мнению, в Италии. Там Сатурн после продолжительного странствования и после посещения Аттики поселился, будучи принят Янусом или Яном, как думают салии.

8. Гора, на которой он поселился, названа была Сатурнийскою. Город, который он основал, доселе называется Сатурниєю. Наконец вся Италия, носившая прежде имя Энотрии, называлась также Сатурниєю. От него получили начало письма и чеканка монеты, и поэтому он охраняет общественную казну.

9. А если Сатурн – человек, то, конечно, он произошел от человека. А если он произошел от человека, то, стало быть, не от неба и земли. Но так как родители его были неизвестны, то легко было назвать его сыном тех, детьми которых и все мы можем считаться, ибо кто не может назвать небо и землю своими родителями из благоговения и почтения к ним.

10. Или он назван был сыном неба вследствие человеческой привычки говорить о лицах неизвестных и появляющихся неожиданно, что они пришли с неба. Толпа называет сыновьями земли тех, происхождение которых ей неизвестно. Я умалчиваю о том, что тогда люди были еще так неразвиты, что вид каждого нового человека смущал их, как вид божественный, потому что и теперь люди уже развитые включают в сонны богов тех, которых за несколько дней пред тем признавали мертвецами общественным трауром.

11. Довольно о Сатурне и этих немногих слов. Отсюда следует, что и Юпитер – человек, так как он произошел от человека, и все потомство его – люди, так как оно произошло от людей.

Глава 11

1. Так как вы, не дерзая отрицать того, что ваши боги были люди, утверждаете, что они сделались богами после смерти, то мы рассмотрим те причины, которые потребовали этого.

2. Прежде всего вам необходимо допустить, что есть какой-то высший Бог и какой-то манцип божества, который из людей сделал богов. Ибо и сами они не могли дать себе божества, так как его у них не было, и никто другой не мог дать его им не имеющим, кроме того, который собственно владеет им.

3. А если бы не было никого, который делал бы богов, то ваше предположение, что боги сделаны, не имело бы никакого значения вследствие уничтожения делателя их. Конечно, если бы люди сами могли делать себя богами, то они никогда не были бы людьми потому именно, что они в себе самих имели бы силу на лучшее бытие.

4. Итак, если есть существо, которое делает из людей богов, то я обращаюсь к рассмотрению причин побудивших сего сделать из людей богов, и не нахожу ничего, кроме того, что оно, Бог великий, нуждалось в услугах и помощи для своих божеских дел. Но во-первых недостойно его нуждаться в чьей бы то ни было помощи, и тем более в помощи мертвеца. Для великого Бога, если бы он действительно имел нуждаться в помощи мертвеца, гораздо достойнее было бы сделать кого либо богом с самого начала.

5. Но я не вижу места помощи. Ибо вся эта мировая система, считать ли ее вечной и несотворенной, согласно с Пифагором, или временною и сотворенною, подобно Платону, конечно, в самом начале была устроена и расположена, насколько возможно, разумно. То не могло быть несовершенным, что все совершало.

6. Сатурна и Сатурново потомства ничто не ожидало. Глупы были бы люди, если бы не знали, что с самого начала и дождь лил с неба, и звезды испускали лучи, и молния блистала, и гром гремел, и сам Юпитер боялся молниеносных стрел, которые вы влагаете в его руку. Также глупы были бы люди, если бы не знали, что всякий плод был в изобилии прежде и Либера, и Цереры, и Минервы, даже прежде первого человека, сотворенного из земли, потому что ничто, предусмотренное для поддержания и сохранения человека, не могло появиться после человека.

7. Говорят также, что боги не сотворили средств к жизни, но по крайней мере нашли их. Но что находят, то уже существовало. А что

существовало, за то должен цениться не тот, кто нашел, а тот, кто произвел, ибо он был прежде, чем тот, кто нашел.

8. Но если Либер потому сделался богом, что познакомил с виноградом, то несправедливо поступили с Лукуллом, который первый сделал в Италии известной понтийскую вишню, потому что он не был обоготворен, как виновник нового плода, им открытого.

9. Поэтому если вселенная с самого начала и была устроена и управлялась определенными законами, по которым она должна была исполнять свои обязанности, то с ее стороны нет основания делать людей богами. То, что вы приписали своим богам, было с самого начала, и оно продолжало бы существовать, если бы вы и не сделали своих богов.

10. Но перейдем к другому основанию. Вы утверждаете, что причиною дарования людям божества были заслуги их. Полагаю, что вы и здесь должны допустить, что Бог, творящий богов, и всех и вся превосходит справедливостью, и что он поэтому не случайно и не без особенных заслуг даровал божество, такую великую награду.

11. Поэтому я хочу рассмотреть заслуги их, таковы ли они, что вознесли их на небо, или таковы, что скорее низвергли их в бездну ада, который вы, когда вам бывает угодно, считаете местом подземных наказаний.

12. Ибо туда обыкновенно упрятывают и тех, которые безбожны, и тех, которые не почитают родителей, и тех, которые совершают кровосмешения с своими сестрами, и тех, которые нарушают супружескую верность, и тех, которые похищают девиц, и тех, которые оскверняют отроков, и тех, которые тиранят, и тех, которые убивают, и тех, которые воруют, и тех, которые обманывают, и всех, кто только подобен какому либо вашему богу. Вы каждого своего бога не можете защитить от преступления или порока, если не в состоянии отвергнуть то, что он был человек.

13. Но если вы не можете отвергнуть то, что ваши боги были люди, то им принадлежит то, что не дозволяет верить, что они сделались богами впоследствии. Ибо если вы председательствуете для наказания вышеозначенных преступников, если вы, как люди честные, удаляетесь от общения с ними в торговле, в разговорах, в пирах, а тот великий Бог призвал подобных им к участию в своем величии: то зачем осуждаете тех, коллег которых обоготворяете?

14. Ваша справедливость есть поругание неба. Чтобы угодить богам, делайте богами всех, преступников. Обоготворение подобных им есть честь их.

15. Но перестанем говорить о такого рода богах. Положим, что ваши боги люди и честные, и невинные, и добрые, почему же вы оставили в аде людей лучших: по мудрости – Сократа, по справедливости – Аристида, по военному искусству – Фемистокла, по великодушию – Александра, по счастью – Поликрата, по богатству – Креза, по красноречию – Демосфена?

16. Кто из ваших богов серьезнее и мудрее Катона, справедливее и победоноснее Сципиона? Кто благороднее Помпея, богаче Красса, красноречивее Туллия? Насколько достойнее было бы того Бога подождать их, чтобы принять в число богов, так как, конечно, Он наперед знал их за лучших людей? Он, я полагаю, поторопился и раз навсегда закрыл небо, и теперь, конечно, стыдится, когда люди лучшие ворчат в аду.

Глава 12

1. Довольно уж об этом. Я знаю, что я от лица самой истины Докажу, что не есть ваши боги, когда покажу, что они есть. Сколько бы я ни занимался исследованием ваших богов, я вижу только имена некоторых древних мертвецов, я слышу только басни и открываю религиозные обряды, основанные на баснях.

2. Что касается до самых изображений, то я в них ничего не вижу, кроме того, что они по материалу сестры сосудам и обыкновенной домашней утвари, или что они, быв прежде сосудами и обыкновенною домашнею утварью, изменяют свою судьбу путем освящения, после того как художник по своему произволу дает им новую форму, обращаясь с ними во время самой работы весьма презрительно и святотатственно. Поэтому нам, которых наказывают особенно за ваших богов, может быть утешением в наказаниях то, что и сами боги терпят то же самое, когда их делают.

3. Христиан вы пригвозждаете ко крестам и столбам; но какому изображению не дает формы прежде глина, которую налагают на крест и столб? Тело вашего бога появляется первоначально на дыбе. Бока христиан вы скребете железными когтями; но чрез все члены ваших богов еще сильнее проходят плотничьи топоры, рубанки и пилы. Мы кладем шеи; но ваши боги до употребления свинца, клея и гвоздей бывают без голов. Нас бросают к зверям, но, не, к тем, которых вы употребляете для Бахуса, Цебелы и Целесты.

5. Нас жгут огнем; но тоже терпят и ваши боги в первой своей форме. Нас осуждают в рудники; но оттуда происходят и ваши боги. Нас ссылают на острова; но, обыкновенно и какой-нибудь бог ваш на острове или рождается, или умирает. Если таким образом приобретается божество ваших богов, то тех, которых наказывают, боготворят, и самые наказания должны считаться обожествлениями.

6. Но, конечно, ваши боги не чувствуют тех оскорблений и поношений, которые они претерпевают во время своей фабрикации, подобно тому, как они не чувствуют и того повиновения, которое им оказывают. О безбожные слова, о богохульная брань! Скрежещите! Пеньтесь! Вы те же самые, которые хулили некоего Сенеку, говорившего о ваших суевериях еще больше, еще ...(резче?). Итак, если мы не почитаем статуй и изображений, которые холодны, подобно тем мертвецам, коих они представляют, и о которых имеют понятие и коршуны, и мыши, и

пауки; то мы не заслуживаем ли скорее похвалы, чем наказания за то, что, узнав заблуждение, отвергли его. Ибо можем ли мы оскорблять тех, относительно которых убеждены, что их вовсе нет. Чего нет, то не может ни от кого ничего терпеть, потому что его нет.

Глава 13

1. Но вы говорите: для нас они боги. А почему же вы поступаете с своими богами и нечестиво, и святотатственно, и безбожно? Почему вы презираете тех, о которых предполагаете, что они есть? Почему вы истребляете тех, которых боитесь? Почему вы смеетесь над теми, которых защищаете?

2. Подумайте: лгу ли я? Во-первых, так как одни из вас почитают одних богов, другие других; то вы, конечно, оскорбляете тех, которых не почитаете. Предпочтение одного не может быть без оскорбления другого, потому что не может быть выбора без неодобрения.

3. Поэтому вы презираете тех, которых не одобряете и которых не боитесь оскорблять тем, что не одобряете. Ибо, как мы выше сказали, положение каждого бога зависимо от воли сената. Тот не был богом, которого сенат не пожелал бы и которого поэтому отверг бы.

4. С домашними богами, которых вы называете ларами, вы поступаете по домашнему праву: вы их иногда закладываете, продаете, переделяете. Сатурна, например, в ночной горшок, Минерву – в лохань. Этому подвергается каждый бог, когда от долгого почитания изотрется, или разобьется, или когда у хозяина явится более священная, хозяйственная потребность.

5. Общественных богов вы позорите по праву общественному: вы их продаете с публичного торга. За тем же идут и на Капитолий, за чем и на овощной рынок. Боги, объявленные продажными с аукциона, берутся на откуп при обычных словах герольда, при обычном копье, при обычной заботе квестора.

6. Но поля, обложенные податью, дешевле; люди, платящие подушное, считаются менее благородными, ибо это знак рабства; а боги, чем большею податью обложены, тем более священны, или напротив, чем более священны, тем большею податью обложены. Величие делается ростовщиком. Религия ходит по улицам, прося милостыни. Вы требуете платы за место храма, за вход во святилище. Познавать богов бесплатно нельзя: они продажны.

7. Что вы в честь их делаете такого, чего вы не делаете и в честь своих мертвецов? Храмы и жертвенники вы сооружаете одинаково как для тех, так и для других. На статуях их те же одежды и те же почетные знаки. Какой возраст, какое искусство, какое занятие имел покойник, тот же возраст, тоже искусство и тоже занятие имеет и бог. Чем отличается

похоронный обед от пира Юпитера, оба – от жертвенной ложки, поллинктор – от гаруепика? Ведь и гаруспик является к мертвым.

8. Но умершим императорам вы по справедливости оказываете честь божескую, так как такую же честь вы оказываете им и при жизни их. Боги ваши примут их с радостью и даже поблагодарят, потому что они, владыки их, сделались равными им.

9. Но когда вы на ряду с Юнонами, Церерами и Дианами поклоняетесь Ларентине, публичной женщине, как богине (хоть бы уж Лаиде или Фрине); когда вы Симону Магу воздвигаете статую с надписью: святому богу; когда вы царского пажа включаете в число богов: то ваши древние боги, хотя они сами не лучше, имеют право считать вас своими оскорбителями, так как вы другим приписываете то, что древность усвоила только им одним.

Глава 14

1. Хочу я рассмотреть и ваши религиозные обряды. Я не обвиняю вас за то, каковы бываете вы при жертвоприношениях, когда закалываете животных худых, чахлых и паршивых, а из откормленных и здоровых уделяете для них только то, что никуда не годится: обрезки и копыта, что вы дома отдали бы рабам или собакам, когда из десятины Геркулеса вы не кладете на жертвенник его и третьей доли. Напротив я скорее стану хвалить вас за это, потому что вы спасаете кое-что от гибели.

2. Но, обращаясь к вашим письменным памятникам, которые научают вас мудрости и готовят к благородным занятиям, какие поругания нахожу в них! В этих памятниках рассказывается, что боги из-за троян и греков сражались между собою, подобно гладиаторам, что Венера была ранена человеческою стрелою за то, что она хотела спасти сына своего Энея, почти умерщвленного Диомедом,

3. что Марс почти погиб от тринадцатого месячного пребывания в окопах, что Юпитер, чтобы не испытать подобного насилия от других небожителей, был освобожден некоторым чудом, и что он то оплакивает смерть Сарпедона, то гнусно похотствует на сестру свою, уверяя ее, что он не так любил прежних своих приятельниц.

4. Какой после того поэт из уважения к своему главе не бесчестил богов. Этот приговаривает Аполлона пасти скот у царя Адмета, а тот для Нептуна делает подряд у Лаомедонта на постройку.

5. И между лирическими поэтами есть такой (разумею Пиндара), который говорит, что Эскулапий был наказан молниєю за свою алчность, заставлявшую его злоупотреблять медициною. Зол Юпитер, если молния находится во власти его; жесток он к внуку, завистлив к мужу искусства.

6. Религиознейшие люди не должны были бы ничего этого объявлять, если бы это было на самом деле, и не должны были бы ничего такого выдумывать, если бы этого не было. И трагики, и комики также не щадят богов: они в прологах своих говорят о бедствиях или заблуждениях семейства какого либо бога.

7. О философах я умалчиваю; я довольствуюсь одним Сократом, который в поругание богов клялся и дубом, и козлом, и собакой. Но потому Сократ и осужден был на смерть, что он отвергал богов. Истину, очевидно, ненавидели и прежде, т. е. всегда.

8. Впрочем так как афиняне, раскаявшись в своем приговоре, осудили потом и обвинителей Сократа и так как они поставили в храме золотое

изображение его; то этим самым ясно выразили свое мнение о нем.

9. Также и Диоген как то смеялся над Геркулесом, а римский циник Варрон представляет триста Юпитеров, или Евов, которых должно назвать безголовыми.

Глава 15

1. Некоторые забавные выдумки делаются на счет бесчестия ваших богов даже для ваших удовольствий. Рассмотрите фарсы Лентулов и Гостилиев. В шутках и островах их осмеиваете ли вы мимиков или своих богов. В этих фарсах осмеян Анубис прелюбодей, Луна мужчина, Диана высеченная, чтение завещания мертвого Юпитера и три голодные Геркулеса.

2. Да и гистрионы открывают вам всякую гнусность их. Солнце для вашего удовольствия плачет о своем сыне, свергнутом с неба. Цибела вздыхает по гордом пастуху ради вас, нисколько не краснеющих. Вам нравится пение елогий и скандалы Юпитера, а также и суд пастуха над Юноною, Венерою и Минервою.

3. Уже и тем, что маска вашего бога покрывает голову самую позорную и бесчестную, а также и тем, что тело, нечистое и доведенное до театрального искусства путем расслабления, представляет какую-нибудь Минерву или какого-нибудь Геркулеса, не оскорбляется ли величие их и не бесчестится ли божество в то время, как вы рукоплещете.

4. Вероятно, вы более религиозны в амфитеатре, где боги ваши танцуют по человеческой крови, а также по нечистотам убитых, чтобы доставить осужденным на борьбу новые драмы и новые фабулы, где преступники часто облакаются в маски самих богов ваших.

5. Мы некогда видели, что тот, который играл Атиса, известного пессинунтского бога, был действительно оскоплен, а тот, который играл Геркулеса, был сожжен живым. Мы смеялись, как в жестоких играх полуденных гладиаторов игравший Меркурия пробовал мертвых раскаленным железным прутом. Мы видели, как игравший брата Юпитера, Плутона, отводил трупы гладиаторов с молотком.

6. Кто до сих пор был в состоянии исследовать в отдельности все то, что оскорбляет честь богов, что отнимает черты их величия? Конечно, все это происходит потому, что богов презирают как те, которые играют их, так и те, которые смотрят на их игры.

7. Но это, может быть, только шутки. Впрочем если я укажу на то, что хорошо знает совесть каждого из вас, что в храмах ваших заключаются договоры на прелюбодеяния, что между жертвенниками происходят сводничества, что очень часто в жилищах жрецов и служителей храмов предаются страсти в священных лентах, шапках и пурпуровых одеждах в то время, когда еще горит фимиам; то я не знаю, не на вас ли более, чем на

христиан, должны жаловаться ваши боги? По крайней мере всегда бывают из ваших похитители священных предметов. Ибо христиане не посещают храмов и днем. Вероятно, и они стали бы грабить их, если бы и сами молились в них.

8. Что же почитают те, которые не почитают ничего такого? Уж, конечно, ясно, что они почитают истину, так как не почитают лжи, и более не заблуждаются в том, в чем не перестали заблуждаться, узнав, что они заблуждались. Это вы заметьте наперед и отсюда черпайте весь взгляд на наше учение, удалив однако прежде ложные мнения.

Глава 16

1. Ибо и вы, как некоторые, воображаете, что ослиная голова есть наш Бог. Повод к такому мнению подал Корнелий Тацит.

2. Он в пятой книге своей истории, начав рассказывать о войне иудейской с происхождения, имени и религии иудейского народа то, что ему угодно было, говорит между прочим, что иудея, выведенные из Египта или, как он полагает, изгнанные оттуда, томимые жаждою в пустыне Аравии, были приведены к источнику ослиами, случайно шедшими туда с пастбища, и что в благодарность за это они стали боготворить голову подобного животного.

3. Отсюда, я полагаю, заключили, что и мы, как родственники иудеям в религиозном отношении, почитаем тоже самое изображение. Но тот же Корнелий Тацит, действительно плодовитый на выдумки, в той же истории рассказывает, что Гней Помпей не нашел никакого изображения в храме иерусалимском, который осматривал он тщательно с тем, чтобы открыть там тайны иудейской религии.

4. А во всяком случае, если бы иудеи почитали какое либо изображение, то оно не должно было бы храниться ни в каком другом месте, кроме их святилища, тем более, что почитание, хотя и суетное, не могло опасаться сторонних зрителей, так как в это святилище дозволено было входить только священникам. Что касается до прочих, то у них задернутою завесою отнята была возможность даже смотреть туда.

5. Впрочем вы не станете отрицать, что вы сами почитаете всякий рабочий скот и лошадей в целом их виде с своею богинею Эноною. Может быть, вы осуждаете нас за то, что мы, живя среди почитателей всякого рода скота и зверей, почитаем только ослов.

6. Но и тот, кто полагает, что крест есть наш Бог, будет товарищем нашим в обоготворении его. Когда поклоняются какому-либо дереву с целью снискания у неге милости: то не важно, какой наружный вид его, так как натура вещества всегда одна и та же; не важна и форма, так как то самое (вещество) есть тело Бога. А впрочем какая разница между столбом креста с одной стороны и Палладою афинскою и Цирерою фарийскою с другой? Та и другая выставляется на продажу без изображения, в виде грубого чурбана и неоформленного дерева.

7. Всякое дерево, поставленное прямо, есть часть креста; мы следовательно почитаем Бога в целом и неповрежденном виде. Выше было сказано нами, что скульптуры начинают формирование богов ваших с

креста; но вы воздаете божескую честь и Викториям, хотя в трофеях внутренности трофеев составляют кресты.

8. Вся лагерная римская религия знамена почитает, знаменами клянется, знамена ставит выше всех богов. Все известные, небольшие щиты на знаменах суть не что иное, как украшения крестов. Известные завесы знамен полководцев и императоров суть одежды крестов. Хвалю прилежание: вы не хотите боготворить кресты не украшенные и нагие.

9. Некоторые думают гораздо разумнее и правдоподобнее, именно: солнце наш Бог. Мы поэтому будем причислять себя к персам, хотя поклоняемся солнцу, изображенному не на полотне; так как имеем его везде на его небесном своде.

10. Не вдаваясь в подробности, скажем, что мнение это произошло от того, что узнали, что мы молимся, обратившись лицом на восток. Но и многие из вас, когда бывает угодно помолиться небесным богам, обращаются лицом туда же.

11. Равным образом, если мы празднуем день солнца, то совсем по другой причине, а не потому, чтобы мы боготворили солнце. Мы занимаем второе место за теми, которые день Сатурна посвящают праздности и пиршеству, отступая и сами от иудейского обычая, которого те не знают.

12. Но недавно появилось в этом городе совершенно новое изображение нашего Бога. Один гладиатор по найму выставил картину с такою надписью: «Deus christianorum Onocoetes». Этот бог имел ослиные уши, на одной ноге у него было копыто, в руке он держал книгу, одет был в тогу. Мы посмеялись и над именем, и над изображением.

13. Но граждане этого города должны были бы тотчас поклониться этому двуобразному богу, потому что они приняли в число своих богов и тех, у которых были головы собачьи и львиные, которые имели рога козлиные и бараньи, которые были от ляжек козлы, от голеней пресмыкающиеся, а по подошвам или по заду птицы.

14. Этого с избытком для того, чтобы нам не оставить как бы нарочито не опровергнутым ничего из того, что говорят о нас. Обращаясь уже к изложению нашей религии, мы будем снова все это опровергать.

Глава 17

1. Что мы почитаем, есть Бог единый. Он всю вселенную со всем богатством элементов, тел и духов произвел из ничего словом, которым повелел, разумом, которым устроил порядок, силою, которою все мог, для украшения своего величия. Поэтому греки называли мир κόσμος, украшение.

2. Он невидим, хотя Его видят; Он не осязаем, хотя по милости Своей является; Он непостижим, хотя человеческим умом постигается, поэтому Он истинен и велик. Ибо, что обыкновенно можно видеть, осязать, постигать, то менее и глаз, которые видят, и рук, которые обнимают, и ума, который постигает. А что необъемлемо, то известно только себе самому.

3. То, что есть, делает то, что Бог постигается, хотя Он не приемлет постижения. Итак величие делает Его для людей и известным, и неизвестным. В этом заключается главнейшая вина тех, которые не хотят познать Того, Которого не могут не знать.

4. Хотите ли вы, чтобы мы показали Его из Его творений, столь многочисленных и столь великих, которые нас окружают, поддерживают, увеселяют и устрашают, или из свидетельства самой души?

5. Хотя душа заключена в тело, как в темницу, хотя она помрачена извращенными учениями, хотя она лишена бодрости благодаря страстям и похотям, хотя она рабски служит ложным богам; однако, когда приходит в себя, освободившись как будто от опьянения или сна или какой либо болезни, и делается снова здоровою, то произносит имя, Бог, и одно только это имя, так как истинный Бог действительно есть един. Все говорят: «велик Бог, благ Бог и что Бог даст».

6. Душа свидетельствует о Нем, как Судии, когда говорит: «Бог видит, вручаю Богу, Бог воздаст мне». О свидетельство души, по природе христианки! И, произнося это, она взором своим обращается не к Капитолию, а к небу. Она, конечно, знает жилище Бога живого: от Него и оттуда она снизошла.

Глава 18

1. Но чтобы мы познали полнее и точнее как самого Бога, так Его распоряжения и желания, Он даровал священные книги для всех, которые хотят искать истинного Бога, искомого найти, в найденного уверовать, уверованному служить.

2. Он мужей, удостоившихся познать Бога и открыть Его благодаря их праведности и невинности, послал в мир с самого начала, даровав им божественного Духа, чтобы они проповедовали, что один только есть Бог, Который все сотворил, Который образовал человека из земли (ибо Он есть истинный Прометей),

3. Который привел мир в порядок, установивши известные периоды и чередования, Который дал знамения Своего карающего величия дождями и огнями, Который для снискания милости у Себя даровал учение, Который определил возмездие как за то, что не знали и презрели Его, так и за то, что повиновались Ему, Который поэтому при конце настоящего века будет судить и своих почитателей для воздаяния им жизни вечной и своих презрителей для ввержения их в огонь вечный, когда все, от начала умершие, воскреснут, преобразятся и подвергнутся суду для определения того или другого воздаяния.

4. Когда то и мы смеялись над этим. Мы из ваших. Христиане делаются, а не рождаются.

5. Те, которых мы называли проповедниками, называются пророками, так как они обязаны были говорить будущее. Их слова и чудеса, которые они совершали ради веры в истинного Бога, находятся в сокровищнице писаний, и они не скрываются. Птоломей, которого называют Филадельфом, ученейший царь и весьма чуткий ко всякого рода литературным произведениям, соперничая, как я полагаю, с Пизистратом в заботе о библиотеках, потребовал, по совету знаменитейшего в то время грамматика, Деметрия Фалерийского, своего библиотекаря, на ряду с другими книгами, обращавшими на себя внимание или древностью своею, или своим содержанием, и от иудеев их книги, писанные на их собственном, туземном языке, которые поэтому находились только у них одних.

6. Ибо пророки были только из иудеев и всегда говорили только к ним, как к народу Божию, избранному ради отцов. Те, которые теперь называются иудеями, прежде назывались евреями.

7. Поэтому и книги их еврейские и язык еврейский. Чтобы Птоломей

мог знать содержание этих книг, иудеи назначили ему 72 переводчика, к которым с уважением относился Менедем, философ и защитник провидения, за сходство в мыслях. Это подтвердил вам и Аристей.

8. Итак книги, переведенные на греческий язык, доселе доказываются при храме Сераписа в библиотеке Птоломея с самыми еврейскими книгами.

9. Но и иудеи публично читают их. Право это приобретается пошлой. Везде всякую субботу они сходятся. Кто услышит, тот найдет Бога. Кто постарается и уразуметь Его, тот будет вынужден и уверовать.

Глава 19

1. Этим книгам главнейший авторитет доставляет их глубочайшая древность. И у вас есть обычай доказывать достоверность религии ее древностью.

2. Все ваше имущество движимое и недвижимое, родоначальников, сословия, источники всякого древнего вашего слога, многие народы, замечательнейшие города, глубокую древность историй и памятников, наконец самые изображения букв, показателей и хранителей вещей и (думаю, доселе мы сказали мало) самих богов ваших, самые храмы, оракулов и священнодействия превосходят веками сочинения одного пророка, в которых заключено сокровище всей иудейской религии и потому уже и нашей.

3. Если вы когда-нибудь слышали о каком-нибудь Моисее, то он современник Инаху Аргосскому. Он жил ранее Даная, лица самого древнейшего у вас, почти 400-ми годами (только семи лет не достаёт до 400-т лет). Он жил почти за 1000 лет прежде поражения Приама. Я мог бы сказать, что и Гомеру кроме того числа, он предшествовал 500 годами, если бы стал следовать другим.

4. Другие пророки хотя жили после Моисея, однако самые последние из них были не позднее первых ваших мудрецов, законодателей и историков.

5. Доказать это не трудно, но уклонило бы в сторону от главной цели и потребовало бы очень много времени. Нам должно было бы долго сидеть за многими письменными памятниками с арифметическими движениями пальцев. Для этого должно было бы открыть архивы древнейших народов – египтян, халдеев, финикийян;

6. для этого должно было бы обратиться к их гражданам, писавшим об этом, а именно: к Манефону египтянину, Берозу халдею, Гиерому финикийянину, царю тирскому, и к последователям их самих: Птолемею мендесскому, Менандру ефесскому, Деметрию фалерийскому, царю Юбе, Аппиону, Фаллу и к тому, кто или подтверждает, или опровергает этих писателей, именно: к Иосифу иудейскому, отечественному защитнику иудейских древностей.

7. Для представления точнейшей хронологии должно сравнить и греческие ценсуалы. Должно попутешествовать по историям и литературам всего света. Однако я часть этого доказательства уже привел, обозначив тех авторов и те источники, из которых можно черпать его.

8. Но этим я и ограничиваюсь, опасаясь как бы при поспешности не сказать слишком мало, или как бы, увлекшись этим доказательством, не сделаться слишком растянутым.

Глава 20

1. Если мы не доказываем божественности наших книг их древностью, если сама древность сомнительна; то вместо нее представим вам более сильное доказательство, именно: величие, авторитет этих книг. Нет нужды узнавать это медленно и от других. Пред нами находится то, что будет учить нас: мир, время и результат.

2. Все, что ни происходит, было предсказано в них; все, что ни видят, слышали, Что земли пожирают города, что моря уничтожают острова, что войны внутренние и внешние свирепствуют, что царства сталкиваются с царствами, что голод, чума, всякие местные смертельные болезни и разнообразные роды смертей производят опустошения, что низкие возвышаются, а высокие падают,

3. что справедливость делается редкостью, а несправедливость учащается, что забота о хорошем воспитании прекращается, что времена года и стихии уклоняются от исполнения своих обязанностей, что естественные формы расстраиваются формами чудесными и безобразными, – все это было предвидено и наперед написано в этих книгах. Когда мы переносим это, тогда оно и читается. Когда испытываем это, тогда оно и доказывается. Истинность пророчества есть, я полагаю, надежное свидетельство божественности.

4. Итак тем обеспечена у нас верность пророчеств еще неисполнившихся, что они изрекались вместе с теми, которые ежедневно исполняются. Одни и те же уста произносили те и другие пророчества, одни и те же книги возвещают их, один и тот же Дух открывает их, одно и то же время принадлежит пророчеству, предсказывающему будущее.

5. У людей, конечно, различается время, в которое пророчество исполняется, в которое оно из будущего становится настоящим, а из настоящего – прошедшим. Спрашиваю вас: чем мы погрешаем, когда верим и неисполнившимся пророчествам, научившись верить им чрез две ступени?

Глава 21

1. Но поелику мы сказали, что секта эта, которую весьма многие считают за секту новую, современную своим появлением Тиберию, как открыто говорим это и мы, утверждена на священных книгах иудейских, которым принадлежит глубочайшая древность; то, быть может, кто-нибудь, взяв во внимание настоящее ее положение, подумает, что мы под этим именем, как бы под тенью религии наизнаменитейшей или по крайней мере дозволенной, хотим скрыть собственные предрассудки.

2. Это тем легче можно подумать, что мы не имеем ничего общего с иудеями ни во времени, ни в выборе пищи, ни в праздниках, ни в самом обрезании, ни в имени, что, конечно, должно было бы быть, если бы мы почитали одного и того же Бога.

3. Но и народ уж знает, что Христос – какой-то человек, которого иудеи осудили, чтобы тем легче можно было считать нас боготворителями человека. Но мы не стыдимся имени Христа; напротив, нам приятно носить имя Его и подвергаться осуждению за Него, и о Боге думаем не иначе. Итак необходимо сказать немного о Христе, как Боге.

4. Иудеи, которым принадлежала необыкновенная праведность и вера патриархов, имели особенную к себе милость Божию. Благодаря этим добродетелям и народ этот был велик, и царство его славно, и он настолько был счастлив, что сам Бог учил его, чем он может снискивать Его милость и чем, напротив, вызывать Его гнев.

5. Но насколько они погрешили, возгордившись верою отцов своих до безумия, уклонившись от истинного учения к безбожию, то это доказывало бы их настоящее бедственное положение, если бы они сами не сознавались в этом. Рассеянные, бесприютные и лишенные своего отечества и храма, они блуждают по всему свету, не имея у себя царем ни человека, ни Бога. Им не дозволяется посещать отечество даже на правах пришельцев.

6. В то время как пророки грозили им этим, они предсказывали им и то, что в конце века сего Бог изберет Себе гораздо вернейших почитателей из всякого племени, народа и места, на которых перенесет Свою милость и даже большую по причине их способности воспринимать совершеннейшее учение.

7. Итак Тот, о Котором возвещали, что Он придет от Бога для преобразования и улучшения учения, пришел. Он есть Христос, Сын Божий. Поэтому Он возвещался как Владыка и Наставник этого учения и

этой милости, как Просветитель и Руководитель рода человеческого, как Сын Божий. Он рожден не так, чтобы стыдился имени сына или семени отца.

8. Бог сделался Его Отцом не вследствие кровосмешения с сестрою, или осквернения дочери, или прелюбодеяния с чужою супругою. Его Отец не был любовником чешуйчатым, или рогатым, или оперенным. Он не был любовником Даны, обратившись в золото. Это претерпели ваши боги от Юпитера.

9. Но Сын Божий рожден не от прелюбодеяния, и та, которая была Его Матерью, не имела мужа.

Но прежде я скажу о природе Его, а отсюда будет понятно свойство рождения Его.

10. Я уже сказал, что Бог сотворил весь этот мир словом, разумом и силою. Известно, что и у ваших философов Logos, то есть, Слово и Разум, считается художником вселенной. Ибо Зенон признает его за такого деятеля, который все расположил в порядке. Он же называет его и роком, и богом, и душою Юпитера, и необходимостью всех вещей. Клеанф все это приписывает Духу, который, по его мнению, проникает вселенную.

11. И мы Слову, Разуму и Силе, чрез что, как я сказал, Бог сотворил все, приписываем Дух, как собственную природу, в которой находится и слово, когда она возвещает, и разум, когда она чертит планы, и сила, когда она осуществляет планы. Мы узнали, что Он (Логос) исшел от Бога и благодаря исхождению рожден, и потому Он есть Сын Божий и назван Богом по причине единства природы, ибо и Бог есть Дух.

12. И хотя луч удаляется от солнца, часть от целого; однако солнце находится в луче, и субстанция при этом не отделяется, но распространяется. Так от Духа – Дух и от Бога – Бог, как свет, зажженный от света. Материя, источник, остается целою и неуменьшенной, хотя бы ты заимствовал от нее очень много ветвей.

13. Так, что произошло от Бога, есть Бог и Сын Божий, и оба один. Так Дух от Духа, Бог от Бога, различаясь по порядку, а не по числу, по степени, а не по качеству. Бог не отделяется от источника, но распространяется.

14. Итак этот Луч Божий, снишедши в некоторую Деву, и плоть, образовавшаяся в утробе ее, рождается человеком, соединенным с Богом, о чем всегда раньше предсказывалось. Плоть, одушевленная Духом, питается, растет, говорит, учит, делает, и есть Христос.

Примите на время это повествование, как сходное с вашими повествованиями, пока я не покажу, как Христос доказывает Себя, и кто у

вас составил басню такого рода для ниспровержения этой истины. Знали и иудеи, что придет Христос, так как им говорили об этом пророки.

15. Иудеи и теперь ожидают Его пришествия, и неверие их в совершившееся уже пришествие составляет главнейший предмет нашего спора с ними. Ибо так как означены два Его пришествия, – первое, которое уже совершилось в уничтожении человеческого, – второе, которое наступит при конце мира в очевидном божественном величии; то они, не поняв первого, сочли второе за одно только, как предсказанное более ясно, и его ожидают,

16. поелику они не поняли первого пришествия (если бы поняли, то уверовали бы; если бы уверовали, то получили бы спасение); то вина их заслуживает наказания. Они сами читают в своих книгах, что они будут лишены премудрости и разума и что не будут пользоваться глазами и ушами.

17. Того, в Ком они видели простого человека вследствие унижения Его, они должны были считать магом за необыкновенную силу Его; ибо Он словом изгонял из людей демонов, возвращал зрение слепым, очищал прокаженных, укреплял пораженных параличом, давал мертвым снова жизнь, господствовал над самыми стихиями, усмиряя бури и ходя по волнам. Такими делами Он ясно показывал, что Он есть Слово Божие, то есть, Логос, – Слово первоначальное, перворожденное, имеющее спутниками силу и разум и укрепленное духом, Тот же, Который все творил и сотворил Словом.

18. За то, что Он Своим учением обличал книжников и вождей иудейских, в особенности же за то, что весьма многие делались последователями Его, эти книжники и вожди так ожесточились против Него, что наконец, представив Его к Пилату Понтийскому, правившему в то время Сириею со стороны Рима, насильственно истребовали у него согласия отдать им Иисуса на распятие. Он и Сам предсказал, что они так поступят с Ним, и не только Он, но и древние пророки задолго до Него.

19. Он, даже пригвожденный ко кресту, показал много знамений своей смерти. Ибо Он добровольно Испустил дух со словом, прежде нежели палач совершил свое дело. В то же самое время произошло затмение солнца среди дня. Это затмение считали обыкновенным те, которые не знали, что оно было предсказано о Христе. И однако рассказ об этом мировом событии находится в ваших архивах.

20. После того как Он снят был со креста и положен во гроб, иудеи приставили к Нему с особенною бдительностью военную стражу, чтобы ученики Его, унеся тело Его, не могли обманывать легковерных людей.

Этого они опасались потому, что Он сам прежде говорил, что Он в третий день воскреснет.

21. Но вот в третий день, после того как земля внезапно потряслась, камень от гроба отвалился, и стража от ужаса попадала, ничего не было найдено во гробе. кроме одежды погребенного, хотя при этом не было видно никого из учеников Его.

22. Тем не менее начальники, для которых весьма важно было объявить этот факт преступным делом учеников, держать народ в рабском отношении к себе и отклонить его от веры в Него, распустили слух, что Он украден учениками. Ибо Он не явился в народ с одной стороны для того, чтобы не освободить безбожных от заблуждения, а с другой – для того, чтобы вера, которой предназначена великая награда, имела возможность доказать себя.

23. С некоторыми же учениками провел 40 дней в Галилее, стране иудейской, уча их тому, чему они потом должны были учить других. Затем, возложив на них обязанность проповедования по всей вселенной. Он взят был на небо окружившим Его со всех сторон облаком. Это гораздо вероятнее, чем то, что у вас Проклы, обыкновенно, утверждают о Ромуле.

24. Пилат, сам уже по своему убеждению христианин, сообщил все это относительно Христа тогдашнему императору, Тиберию. Да и сами императоры открыто признали бы то, что сообщено им о Христе, если бы не были необходимы миру, или если бы христиане могли быть императорами.

25. Ученики, согласно повелению своего божественного Учителя, распространились по вселенной. И сами они, много добровольно претерпевши от преследователей иудеев, конечно, за твердость в истине, наконец в Риме пролили христианскую кровь по жестокости Нерона.

26. Но мы представим вам более достоверных свидетелей Христа, тех самых, которым вы поклоняетесь. Если я для того, чтобы вы верили христианам, приведу таких свидетелей, ради которых вы не верите им, то такое свидетельство имеет большое значение.

27. Однако это – сущность нашего учения, это происхождение нашей секты и нашего учения с ее Основателем, как мы узнали. Может быть, теперь уж никто не будет выдумывать того, что позорило бы нас. Может быть, теперь уж никто не будет верить ничему другому, касающемуся нас, потому что никому не позволительно лгать в деле своей религии. Ибо кто объявляет предметом своего почитания не то, что он на самом деле почитает, тот отрицается от того, что он почитает, и переносит почитание на нечто другое и следовательно уже не почитает того, от чего он отрекся.

28. Мы объявляем и объявляем публично, и израненные и окровавленные во всеуслышание говорим вам, подвергающим нас пыткам: «Бога мы почитаем чрез Христа». Считайте Его за человека, но Бог хочет, чтобы чрез Него и в Нем Его познавали и почитали.

29. Иудеям я отвечаю, что и сами они научились почитать Бога чрез человека Моисея. Грекам возражаю, что Орфей в Пиерии, Музей в Афинах, Меламп в Аргосе, Трофоний в Беотии обязали людей посвящать себя в известную секту. Если обратить взор и на вас, властители народов, – Помпилий Нума, который установил у римлян весьма трудные суперстиции, был человек.

30. Да будет позволено и Христу открыть божество, как свою собственную природу. Он не должен был делать то, что делал Нума, именно: людей грубых и диких устрашать множеством богов, которым надлежало бы служить, и чрез это приводить их к гуманности. Напротив, Он должен был открыть глаза к познанию истины у людей уже образованных и оболыщенных своим образованием.

31. Итак узнайте, истинно ли божество Христа. Если оно таково, что те, которые узнали его, делаются добрыми; то отсюда уже следует, что они отказываются от всяких ложных богов, особенно же таких, которые скрываясь под именами и изображениями мертвецов, стараются снискать у людей веру в себя, как богов, посредством некоторых знамений, чудес и пророчеств.

Глава 22

И поэтому мы говорим, что есть некоторые духовные существа. Имя их не ново: о демонах знают философы. Сам Сократ ожидал мнения демона. Как было ему не ожидать его? Говорят, что он с детства находился в нем, отклоняя его, конечно, от добра. О них знают все поэты, и необразованная толпа весьма часто употребляет их в своих проклятиях; ибо и сатану, главу этого злого рода, народ как бы инстинктивно объявляет в тех же проклятиях. И Платон также не отрицал ангелов. Даже маги существуют для того, чтобы быть свидетелями того и другого имени. Но каким образом от некоторых ангелов, сделавшихся злыми по собственной воле, произошел еще более злой род демонов, осужденный Богом вместе с их предками и с тем главою, о котором я сказал, об этом сообщается в Священном Писании. Теперь нужно достаточно сказать о деятельности их. Деятельность их состоит в ниспровержении человека. Так искони злоба этих духов направлена была на гибель человека. Поэтому телу его они причиняют болезни и тяжелые удары, а в душе производят внезапные и неестественные проявления путем насилия. Да ту и другую часть человеческого существа они легко действуют благодаря пронизательности и тонкости своей натуры. Духовным силам можно делать многое. Так как они невидимы и не осязаемы, то открываются скорее в результатах своих, чем в самых действиях. Это бывает тогда, когда какой либо скрытый яд ветра уничтожает древесные и хлебные плоды на цветущих, лишает их жизни в почках, наносит им вред во время созревания, или когда воздух, принесенный тайным образом, распространяет заразу. Совершенно таким же тайным образом демоны и ангелы наносят вред душе, возбуждая в ней бешенство, или гнусное безумие, или жестокие страсти с разными заблуждениями. Между этими заблуждениями главное то, что они, пленив и обольстив души людей, рекомендуют им идолослужение для того, чтобы чрез фимиамные и кровавые жертвы идолам доставить себе самим любимую пищу. И какая пища для них лучше, как не та, чтобы отклонять людей от размышления ибо истинном Боге путем ложных чар? Я объясню и то, какие обманы они делают и как. Всякий дух – быстр: таковы ангелы и демоны. Поэтому в одно мгновение они всюду находятся. Вся вселенная для них – одно место. Что бы где ни делалось, об этом они столь легко знают, как легко и возвещают.

Я, конечно, виновниками зла они всегда бывают, а виновниками добра никогда не бывают. Распоряжения Самого Бога я тогда они узнавали из

речей пророческих и теперь узнают из чтений Священного Писания. Узнав таким образом отсюда нечто будущее, они соперничают с Божеством, когда крадут пророчества. А с каким лукавством они представляют двусмысленные результаты в изречениях оракулов, об этом знают Крезы, знают Пирры. Впрочем пифийский оракул объявил, что черепаха варилась с бараниной. Это он сделал так, как я сказал выше, именно: он в один момент побывал в Лидии. Так как они обитают в воздухе, находятся в соседстве с звездами и вращаются среди облаков, то они знают, что готовится на небе, и потому они возвещают о дождях, которые они уже ощущают. Они являются истинными целителями болезней. Ибо они сначала наносят болезни, потом приписывают ради чуда лекарства новые или противоположные, затем перестают наносить болезни, а люди полагают, что они исцелили их от болезней. Зачем мне поэтому говорить о прочих ложных действиях демонов: о явлениях Касторов, о воде, которую весталка носила ситом, о корабле, который был притащен поясом, о бороде, которая сделалась красною вследствие прикосновения к ней? Все это делалось ими для того, чтобы камни признавали за богов, чтобы истинного Бога не искали.

Глава 23

Далее, если и маги производят привидения и бесчестят души уже умерших; если они убивают детей для пророчества; если они представляют много чудесного при помощи шарлатанских фокусов; если они наводят сны, располагая помогающей им силою раз навсегда приглашенных ими ангелов и демонов, чрез которых пророчествуют, обыкновенно, и козы и столы то насколько больше эта сила по собственному желанию и ради себя будет стараться всячески делать то, что она делает для других? Или, если и ангелы и демоны делают то же, что и ваши боги, то где же превосходство Божества, о Котором, конечно, должно думать что Оно могущественнее, выше всего? Не лучше ли поэтому предполагать, что те, которые выдают себя за богов, так как делают то, что заставляет признавать богов, – сами боги, чем считать богами тех, которые одинаковы с ангелами и демонами? Разность мест производит, я полагаю, то, что вы в храмах считаете богами тех, которых в других местах не признаете богами; что вам кажется, что тот, кто пробегает чрез священные крыши, безумствует не так, как тот, кого перепрыгивает чрез соседние крыши, и что одна сила обнаруживается в том, кто режет половые органы или руки, а другая – в том, кто режет себе горло. Результаты безумия одинаковы, и причина, побуждающая к этому, одна. Но доселе мы приводили доказательства словесные, а теперь уж приведем вещественные, из которых видно будет, что одна и та же природа принадлежит тому и другому имени. Пусть будет поставлен здесь же пред вашим трибуналом такой человек, о котором было бы известно, что он одержим демоном. Лишь только любой христианин прикажет этому духу говорить, то он сознается, что он настолько действительно есть демон, насколько в другом месте ложно есть Бог. Пусть также будет приведен кто либо из тех, о которых думают, что они действуют под непосредственным влиянием Бога, которые, дыша над жертвенником, воспринимают божество из гари, которые лечатся изрыгая, которые пророчествуют при сильном дыхании. Если самая ваша Дева Небесная, обещательница дождей; если самый ваш Эскулап, профессор медицины, сохранивший жизнь Сокордию, Тенацию и Асклепидоту, имеющим умереть на другой день, не признаются христианину в том, что они демоны, не дерзая обманывать его: то тут же пролейте кровь этого наглейшего христианина, Что очевиднее этого дела? Что убедительнее этого доказательства? Простота истины осязательна, сила ее находится

при ней, ничто не может возбудить подозрение. Вы будете говорить, что это делается посредством магии или посредством какого-либо подобного обмана, в том случае, если ваши глаза и ваши уши позволят вам. Что же может быть выставлено против того, что показывается с очевидною истинностью? С одной стороны, если они действительно боги, то для чего обманывают, называя себя демонами? Или, быть может, для того, чтобы нам повиноваться? В таком случае ваши боги подчинены христианам. Те же не должны считаться богами, которые подчинены человеку, врагу своему, хотя он нечто делает для бесчестия их. С другой стороны, если они демоны или ангелы, то для чего они в других местах объявляют себя богами? Как те, которые считаются богами, не захотели бы называть себя демонами, если бы они действительно были боги, чтобы не отнять у себя величия; так и те, которых вы прямо называете демонами, не дерзали бы в других местах выдавать себя за богов, если бы те, именами которых они пользуются, действительно, были боги, Ибо они боялись бы злоупотреблять величием, принадлежащим существам, без сомнения, наивысшим и таким, каких должно бояться. Поэтому нет тех богов, которых вы признаете. Если бы они существовали, то не объявляли бы себя демонами и не отказывались бы от того, что они боги.

Итак, когда та и другая сторона отрицает бытие богов, то знайте, что и там и здесь одни и те же существа – демоны. Теперь вам должно искать богов. Ибо вы видите, что те – демоны, которых вы прежде считали богами. Благодаря нам, вы узнаете от тех же своих богов не только то, что ни они сами, ни подобные им – не боги, но и то, кто же есть Бог; Того ли, Которого мы, христиане, проповедуем, и один ли только Он; – так ли должно веровать в Него и так ли почитать Его, как требует религия и культ христиан. Они тогда же скажут: кто тот Христос с своею баснею? Обыкновенный ли Он человек или маг? Украден ли Он из гроба после смерти своими учениками? Находится ли теперь в аде? Не находится ли Он скорее на небесах, откуда имеет придти среди колебания всего мира, при трепете вселенной, при столах всех людей, кроме христиан, как Божия Сила, Божий Дух, как Слово, Мудрость, Разум и Сын Божий. И они пусть смеются вместе с вами над всем тем, над чем вы смеетесь. Пусть они отрицают, что Христос будет судить всякую душу от века по воскресении ее тела. Пусть они говорят, что этот суд достался Миносу и Радоманту, как думает Платон и поэты. Пусть по крайней мере они удалят знаки своего позора и поношения. Пусть они отрицают то, что они – нечистые духи, что однако можно видеть из их пищи, крови, дыма, смрада сожженных животных и из сквернейших речей их пророков. Пусть они откажутся от

того, что они вместе с своими почитателями и своими делами предназначены к тому же судному дню. Но вся эта наша власть и сила над ними зависит от произнесения имени Христа и от напоминания о том, что им предстоят великие наказания от Бога чрез Судию Христа. Они, боясь Христа в Боге и Бога во Христе, покоряются рабам Бога и Христа. Так они, по нашему повелению, выходят из тел вследствие простого прикосновения наших рук и дуновения наших уст, будучи устрашены мыслью о вечном огне, против собственного желания, с скорбью и стыдом, в присутствии вас. Вы, верящие им, когда они лгут, верьте им, когда они говорят правду о себе. Никто не лжет для собственного унижения; напротив, всякий лжет скорее для своего возвышения. Поэтому нужно верить им более тогда, когда они сознаются во вред себе самим, чем тогда, когда они отрицаются в пользу свою. Да, эти свидетельства ваших богов, обыкновенно, увеличивают число христиан. Как часто мы, веря им, веруем чрез Христа и в Бога. Они сами воспаляют веру в наше Писание; они сами созидают дерзновение нашей надежды. Вы почитаете их, как мне известно, даже кровью христиан. Поэтому они не желали бы лишиться вас, слуг столь полезных и столь покорных, и не желали бы, чтобы христиане когда либо изгоняли их из вас, если бы им возможно было лгать при христианине, желающем доказать вам истину.

Глава 24

Все это признание их, которым они отрицают то, что они боги, и утверждают, что нет другого Бога, кроме Того единого, Которому мы предали себя, достаточно сильно опровергает обвинение в оскорблении языческой религии вообще и римской в особенности. Ибо если нет на самом деле богов, то нет на самом деле и религии. Если нет религии, потому что нет на самом деле богов, то, конечно, мы не виновны в оскорблении религии. Напротив, обвинение переходит на вас: вы ложь почитаете, а истинную религию истинного Бога не только презираете, но даже и преследуете, и потому вы именно те, которые совершаете преступление действительной иррелигиозности. Но положим, что то верно, что ваши боги на самом деле боги, и в таком случае не должны ли вы согласиться с тем общим мнением, что есть какое-то Существо высочайшее и могущественнейшее, Глава мира, имеющая совершеннейшее величие. Ибо по общему представлению Божества власть высочайшего господства находится в руках одного Существа, функции же Его принадлежат многим. Так, например, Платон говорит, что великого Юпитера сопровождает на небе толпа богов и демонов. Поэтому на ряду с этим богом должно почитать также прокураторов, префектов и наместников его. Если бы это было и так, то какое преступление совершает тот, кто для снискания у императора большей милости делает то, что может, на него возлагает свое упование, имя императора, как имя Бога, никому другому не приписывает, так как и называть и позволять называть кого либо другого, кроме императора, императором считают уголовным преступлением? Пусть одна почитает Бога, а другой – Юпитера; пусть один молящиеся руки простирает к небу, а другой – к жертвеннику Фидеи; пусть один во время молитвы исчисляет облака, если этому вы верите, а другой – лягунарии; пусть один посвящает своему Богу свою душу, а другой – душу козла. Смотрите, не заслуживает ли названия иррелигиозности лишение свободы религии и запрещение выбора Божества, когда мне не позволяют почитать Того, Кого я хочу, но принуждают меня почитать того, кого я не хочу. Никакой Бог, да даже никакой человек не пожелает почитания принужденного. Поэтому и египтянам дозволена была их глупейшая религия, требовавшая обоготворения птиц и зверей и подвергавшая смерти того, кто убьет кого либо из таких богов. И всякая провинция и всякий город имеет своего бога, так например: Сирия – Атаргату, Аравия – Дузара, Норики – Белена,

Африка – Целесту, Мавритания – своих царевичей. Я поименовал, полагаю, провинции римские, и однако боги их не римские, потому что в Риме почитаются только те боги, которые почитаются во всей Италии по муниципальному праву, именно: Дельвентин Казиниенский, Визидиан Нарниенский, Анхария Ансуманская, Норция Волсивиенская, Валенция Окрикуланская, Гостию Сутринская и Юнона Фалиская, получившая прозвание в честь отца «Сигіs». Но нам одним воспрещается собственная религия. Мы оскорбляем римлян и не считаемся римлянами, потому что мы почитаем не римского бога. Хорошо, что тот Бог, Которому все мы принадлежим, желаем ли мы этого, или не желаем, есть Бог всех людей. Но ваше право дозволяет почитать, кого угодно, кроме истинного Бога, как будто Тот, Кому мы все принадлежим, не есть поэтому Бог всех людей.

Глава 25

Мне кажется, что я достаточно решил вопрос о ложном и истинном Божестве, представив прочные доказательства, основанные не только на соображениях разума, но и на свидетельствах тех самих, которых вы считаете богами, так что не должно было бы больше и рассуждать об этом предмете. Но так как протестует собственно авторитет римского имени, то я не оставлю без опровержения возражения, вызываемого предрассудком тех лиц, которые говорят: римляне, благодаря своей тщательнейшей религиозности, подняты на такую высоту, что овладели вселенною, и что боги их, действительно, существуют, так как те, которые более других служат им, более других и процветают. Конечно, эта награда дарована римлянам их богами в качестве прерогатива. Стеркул, Мутун и Ларентина увеличили власть их. Ибо я не могу подумать, чтобы чужеземные боги более пожелали помогать чужому народу, чем своему, и чтобы предали людям заморским отечественную землю, где сами они родились, воспитались, прославились и были погребены. Цибела, вероятно, предвидела, если она полюбила Рим в память троянского народа, своего туземца, которому она покровительствовала во время войны с греками; если она постаралась перейти на сторону мстителей, о которых ей известно было, что они покорят Грецию, победительницу Фригии. Поэтому и в наше время она представила осязательное доказательство своего величия, обращенного на Рим: по отнятии М. Аврелия у государства святейший архигалл в девятый день тех же календ, в который приносил в жертву нечистую кровь, обрезывая свои руки, издал обычные повеления о здоровье императора Марка уже умершего.

О медлительные вестники, о запоздавшие донесения, благодаря которым Цибела не узнала раньше о смерти императора! Право, христиане должны были бы смеяться над такою богинею. Но и Юпитер, забыв известную Идейскую пещеру, и медные тарелки корибантов, и приятнейший запах своей кормилицы, не тотчас позволил бы подчинить свой Крит римской власти. Не предпочел ли бы он всякому Капитолию известную свою могилу, чтобы господствовала над миром скорее та страна, которая скрывает его прах? Желала ли бы и Юнона, чтобы любимый ею пунический город, который она предпочла даже Самосу, был разрушен чужим народом, да и к тому же произошедшим от Энея? Я знаю следующее: «здесь было ее оружие, здесь бела ее колесница, уже и тогда богиня и стремилась и содействовала тому, чтобы он, Карфаген, был

повелителем народов, если только судьба как-нибудь дозволит». Эта несчастная супруга и сестра Юпитера не имела силы противодействовать судьбе. Впрочем сам Юпитер повинуется ей. И однако римляне судьбе, предавшей им Карфаген против воли и желания Юноны, не оказали и столько чести, сколько они оказали продажнейшей блуднице Ларентине. Известно, что очень многие боги ваши были царями. Если они потому имеют силу передавать царскую власть, что сами были царями, то от кого они сами получили ее? Кого почитали Сатурн и Юпитер? Я полагаю, какого-нибудь Стеркула. Но римляне с своими индигитаменами позднее их. Хотя некоторые из ваших богов не царствовали, однако царствовали другие, которые не почитали их, потому что они еще не считались богами. Поэтому власть давать царства принадлежит другим, так как были царства гораздо раньше, чем появились эти боги. Но как не основательно величие римлян приписывать заслугам религиозности, когда религия начала делать успехи после власти или царства! Хотя уже Нума измыслил религиозные суеверия, однако известно, что культ римлян не имел еще тогда ни изображений, ни храмов. Религия была экономна, обряды бедны, и не было Капитолия, возвышающегося до неба. Тогда были только случайные жертвенники из земли, только самосские жертвенные сосуды, издававшие смрад, и самого бога нигде не было, ибо искусства греков и этрусков тогда еще не наполнили Рима скульптурными изображениями.

Итак, римляне не были религиозны прежде, чем стали велики, и следовательно они не потому велики, что религиозны. И каким образом могли сделаться великим чрез религию те, у которых величие произошло из иррелигиозности? Ибо, если я не ошибаюсь, всякого рода господство или власть ищется путем войны и распространяется путем победы. Но войны и победы состоят в завоевании городов и очень часто в разрушении их. Это дело не бывает без оскорбления богов. Ибо тогда вместе с крепостями разрушаются и храмы, вместе с гражданами умерщвляются и жрецы, вместе с мирским имуществом похищается имущество и церковное.

Итак, сколько святотатств римлян, сколько и трофеев; столько триумфов над богами, сколько триумфов и над народами; столько добыч, сколько доселе остается изображений плененных богов. И эти боги принимают молитвы от своих врагов и тем, которым. они должны были бы воздавать скорее за оскорбление, чем за почтение, дают власть без конца. Впрочем, так как они лишены всякого чувства, то их безнаказанно оскорбляют и бесполезно почитают. Конечно, нельзя согласиться с тем, чтобы, благодаря религиозности, сделались великими те, которые, как мы

сказали, делались такими по мере того, как оскорбляли религию, или которые оскорбляли ее по мере того, как делались великими. И те, царства которых подпали власти Рима, были не без религий, когда теряли царства.

Глава 26

Итак, смотрите, не Тот ли раздает царства, Которому принадлежит не только управляемый мир, но и сам управляющий человек? Не Тот ли устроил в мире смену царств по известным периодам, Который был прежде всякого времени и создал самое время? Не Тот ли, при Котором род человеческий некогда существовал без государства, возвышает и низвергает царства? Зачем вы обманываете себя? Лесной Рим был раньше некоторых своих богов. Он царствовал прежде, чем воздвигнута была такая гордость Капитолия? Царствовали и вавилоняне прежде понтификов, и лидяне прежде квиндецемвиров, и египтяне прежде салиев, и ассирияне прежде люперков, и амазонки прежде весталок. Наконец, если римские боги дают царства, то в таком случае Иудея, как презрительница всех языческих богов, никогда не царствовала бы. Вы, римляне, некогда оказали честь ее Богу жертвами, храму – подарками, народу – союзами. Вы никогда не господствовали бы над нею, если бы она не согрешила против Христа.

Глава 27

Этого достаточно для опровержения обвинения в оскорблении богов. Чтобы не казалось, что мы оскорбляем их, мы доказали, что их нет. Поэтому мы, будучи вызваны вами для жертвоприношения, отказываемся от этого по честности своей совести, от которой мы знаем, кому достаются эти жертвы, назначенные кумирам и посвященные человеческим именам. Но некоторые считают безумием то, что мы предпочитаем упорство спасению, так как могли бы и приносить жертвы публично, и отходить невинными, храня в душе свою веру. Да, вы даете нам совет, как обманывать вас; но мы знаем, откуда это происходит, кто все это делает, и как для ниспровержения нашей стойкости устроится то лютая жестокость, то лукавое увещание. Конечно, дух демонов и злых ангелов, который, будучи нашим врагом вследствие своего падения и завидуя нам за милость Божию к нам, ведет войну против нас чрез ваши души, направленные и настроенные путем тайного внушения ко всякому извращению суда, ко всякой жестокой несправедливости, о чем мы сказали в начале. Ибо хотя вся сила демонов и духов этого рода подчинена нам, однако они, как худые рабы, соединяют с страхом дерзость и желают оскорблять тех, которых в другое время боятся. Конечно, и страх возбуждает ненависть. Кроме того, отчаянное состояние их вследствие предварительного осуждения (*ex praedamnatione*) считает утешением для себя пользоваться теперь злобою, пока замедляется наказание. И однако они, будучи схвачены, подчиняются и покоряются своему положению и вблизи умоляют тех, против которых издали вооружаются.

Итак, когда они восстают против нас, во власти которых находятся, по образу взбунтовавшихся смиренных домов, или тюрем, или рудокопней, или штрафных домов этого рода, сознавая, что они не равны и что тем более потерпят, то мы невольно противостояем им, как равные, и сражаемся, упорствуя в том, на что они нападают, и никогда более не торжествуем, как тогда, когда нас осуждают за твердость веры.

Глава 28

Так как легко можно видеть, что несправедливо принуждать свободных людей приносить жертвы, когда они этого не хотят (в других случаях для совершения божественного дела требуется, конечно, свободное произволение), то, разумеется, должно считать нелепостью, если бы один стал принуждать другого почитать тех богов, которых он должен бы умиловать сам для собственного блага. Не мог ли тогда последний сказать первому по праву свободы: я не желаю, чтобы ко мне Юпитер был милостив; ты кто? Пусть разгневанный Янус приходит ко мне с каким угодно челом. Что у тебя со мною? Вы, конечно, теми же духами научены принуждать нас приносить жертвы за здоровье императора. Как на вас возложена необходимость принуждать, так на нас – обязанность сопротивляться.

Итак, дошли до второго обвинения, до обвинения в оскорблении еще более священного величия, так как вы оказываете императору большее благоговение и с большим расчетом боитесь его, чем самого Юпитера Олимпийского. И это правильно, если бы вы только понимали. Ибо всякий живой не сильнее ли любого мертвого? Но вы это делаете не по размышлению, а по страху пред немедленно действующею властью. Поэтому вы и здесь оказываетесь нерелигиозными к своим богам, ибо вы более страшитесь человеческой власти. Наконец у вас скорее нарушается клятва всеми богами, чем одним гением императора.

Глава 29

Если те, которым приносят жертвы, могут даровать императору или вообще всякому человеку здоровье; если ангелы или демоны, духи злейшие по своему существу, совершают какое-либо благодеяние; если погибшие сохраняют; если осужденные освобождают; если наконец мертвые охраняют живых, что вы признаете: то пусть все это наперед будет установлено, и тогда осуждайте нас за оскорбление императорского величия. Ведь, конечно боги ваши прежде всего охраняли бы свои статуи, изображения и храмы, что, как я полагаю, тщательно караулят императорские воины. Даже самый материал, из которого они состроят, происходит, я думаю, из рудников императорских, и все храмы вполне зависят от воли императорской. Наконец многие боги уже испытали гнев императорский. Только благодаря установившемуся обычаю приносят им дары и оказывают привилегию. Поэтому, каким образом те, которые находятся во власти императора и которые подчинены ему, могут иметь здоровье императора в своей власти? Кажется, что они могут давать императору то, что скорее сами получают от него.

Итак, мы совершаем преступление против величия императоров потому, что не подчиняем их вещам их, потому, что не возбуждаем смеха исполнением долга (*de jfficio*) о их здоровье, думая, что оно не находится в свинцовых руках. Но религиозны вы, которые ищете его (здоровья) там, где его нет, просите его у тех, которыми оно не может быть дано, презрев Того, во власти Которого оно находится. Да кроме того, вы восстаете против тех, которые умеют просить его, которые и могут выпросить, так как умеют просить его.

Глава 30

Ибо мы просим императорам здоровья у Бога вечного, у Бога живого, у того Бога, благоволения Которого и сами императоры желают по преимуществу. Они знают, кто дал им власть. Они, как люди, знают и то, кто дал им душу. Они чувствуют, что тот один только есть Бог, во власти Которого они находятся, по отношению к Которому они вторые, после Которого первые, Который прежде всех богов и выше всех богов. почему и не так, когда Он выше всех людей живых и превосходит мертвых? Они размышляют о том, доколе простирается сила их власти, и потому признают Бога. Они сознают, что они сильны чрез Того, против Которого они не могут быть сильны. Но пусть наконец император завоюет небо, – пусть повезет плененное небо во время своего триумфа, пусть пошлет на небо стражу, пусть наложит на небо подать. Не может он этого сделать. Потому Он и велик, что меньше неба. Ибо и сам он принадлежит Тому, Кому принадлежит небо и вся тварь. Откуда он и император, откуда и человек, прежде чем сделался императором. Оттуда у него и власть, откуда и дух. Туда христиане обращаются с распростертыми руками, потому что они невинны, – с обнаженною головою, потому что мы не стыдимся, – без суфлера (*sine monitore*), потому что мы молимся от сердца. Мы всегда молимся за всех императоров, чтобы жизнь их была продолжительна, чтобы власть безмятежна, чтобы семья безопасна, чтобы войска храбры, чтобы сенат верен, чтобы народ честен, чтобы государство было спокойно, и о всем том, чего желает человек и император. Всего этого я не могу просить ни у кого другого, кроме Того, от Которого, как я знаю, получу, так как и сам Он таков, Который один только дает, и я такой, которому Он должен дать: я – Его раб, который один только почитает Его, который не щадит жизни за Его учение, который приносит Ему жертву самую лучшую и самую тучную, которую сам Он повелел, – молитву, происходящую он плоти целомудренной, от души невинной, от духа святого, а не зерна фимиама величиною в один асс, не соки аравийского дерева, на дне капли вина, не кровь негодного, отжившего свой век быка, и не совесть, извращенную после всех этих мерзостей. Когда у вас осматриваются жертвы порочнейшими жрецами, то я удивляюсь, почему исследуются внутренности жертвенных животных, я не внутренности самих жертвоприносителей?

Итак, нас, распростерших руки к небу, могут скрести когтями, могут распяливать на крестах, могут подвергать огню, могут пересекать горла

мечами, могут бросать зверям: самое положение молящегося христианина удобно для всякого рода казней.

Итак, вы, добрые правители, сделайте это, истязайте душу, приносящую молитву Богу за императора. Там преступление, где истина и преданность Богу.

Глава 31

Теперь мы польстили императору и выдумали те желания, о которых мы сказали, конечно для избежания насилия. Без сомнения, такая выдумка полезна. Ибо вы позволяете нам доказывать все то, что мы защищаем.

Итак, ты, думающий, что мы вовсе не заботимся о благосостоянии императоров, посмотри в Слово Божие в наше Писание, которого и сами мы не скрываем, и которое очень многие случайности доставляют чужим, сторонним. Узнайте из него, что нам для выражения обильного благожелания повелено молить Бога даже за врагов и просить у Него благ гонителям нашим. Кто же большие враги, гонители христиан, как не те, за оскорбление величия которых нас осуждают? Впрочем оно (Писание) прямо и ясно говорит: "молитесь за царей,.. за начальников и власти, чтобы у вас было все спокойно» (1Тим. 2,2). Ибо когда глава лишается спокойствия, то его лишают и все члены ее, и хотя мы считаем себя чуждыми беспорядков, но и мы находимся в каком либо подверженном бедствию месте.

Глава 32

Есть у нас другая, большая нужда молиться за императоров, также за всякий род власти и за римское государство. Мы знаем, что предстоящая всему земному шару величайшая катастрофа и самый конец мира, грозящий страшными бедствиями, замедляется римскою властью. Мы не хотим испытать этой катастрофы и этого конца, и потому, когда молимся об отсрочке этого, то этим самым содействуем продолжению римского государства. Но мы и клянемся, только не гениями императоров, а благоденствием их (*per salutem*), которое важнее всяких гениев. Не знаете ли вы, что гениями называются демоны, откуда уменьшительное название демоники (*daemonia*)? Мы в императорах видим судей Бога, Который поставил их начальниками над народами. Мы знаем, что в них есть то, чего Бог пожелал, и потому хотим, чтобы благо клятву. Но мы, обыкновенно, заклинаем демонов, то есть, гениев, чтобы изгнать их из людей, и не клянемся, чтобы оказать им божескую честь.

Глава 33

Но что мне более сказать об уважении и почтении христиан к императору, на которого мы должны смотреть, как на лицо, избранное нашим Богом? Да, я по справедливости могу сказать: император больше наш, чем ваш, так как он поставлен нашим Богом. Вот почему я о благоденствии императора, как своего, забочусь более, чем кто-либо другой, не тем только, что прошу его у Того, Который может даровать, и не тем только, что прошу я, такой, который заслуживает исполнения просьбы, но и тем, что, поставляя величие царя ниже величия Бога, я вверяю его Богу, Которому одному только и подчиняю его. Я подчиняю его Тому, с Кем не равняю. Ибо я не буду называть императора Богом или потому, что не умею лгать, или потому, что не дерзаю смеяться над ним. Если он человек, то человеку подобает уступить Богу, Достаточно ему носить имя императора. Велико и это имя, дарованное ему Богом. Кто называет его Богом, тот утверждает, что он не император: если он не человек, то и не император. Ему даже во время его триумфа, когда он находится на возвышеннейшей колеснице, напоминают, что он человек. Ибо к нему сзади привязывают раба, который говорит: «посмотри, кто за тобою; помни, что ты человек». И, конечно, то его особенно радует, что он блещит такою славою, что ему нужно напоминать, что он человек. Он был бы меньше. Если бы его в то время называли Богом, потому что его называли бы ложно. Он больше становится от того, что его призывают не называть себя Богом.

Глава 34

Август, основатель империи, не хотел называться даже владыкою (dominus), ибо и это когномен Бога. Конечно, я могу называть императора dominus, владыкою, но в общеупотребительном смысле, когда меня не принуждают произносить слово dominus, владыка, вместо Deus, Бог. Впрочем я свободен по отношению к нему, ибо у меня один только Владыка – Бог всемогущий, вечный, тот самый, который есть Владыка и его самого. Каким образом владыка есть тот, кто есть отец отечества? Да и имя любви приятнее имени власти, и главы семейств чаще называются отцами, чем владыками, domini. Тем более император не должен называться Богом, так как это есть лесь не только гнуснейшая, но и опаснейшая. Если бы ты, имея одного императора, стал этим именем называть другого, то не нанес ли бы ты этим самым величайшего и непростительнейшего оскорбления тому, которого имеешь, и не подверг ли бы опасности того, которого называешь? Ты, желая, чтобы Бог был милостив к императору, будь почтителен к Богу. Перестань верить, что есть другой Бог, и говорить, что и тот есть Бог, который нуждается в Боге. Если лесь не стыдится лжи, называя императора Богом, то пусть убоится она по крайней мере несчастья. Преступно называть императора Богом до его апофеоза.

Глава 35

Итак, христиане – общественные враги, потому что они не воздают императорам почестей ни пустых, ни ложных, ни безрассудных, потому что они, как люди истинной религии, проводят праздники их скорее добросовестно, чем распутно. Конечно, великое дело выносить в публичные места камины, очаги и постели, бражничать по улицам, давать городу безобразный вид шинка, делать грязь вином, бегать шайками для оскорблений, для бесстыдств, для возбуждения плотских похотей. Неужели общественная радость выражается общественным позором? Неужели то прилично торжественным императорским дням, что другим дням не прилично? Те, которые соблюдают порядок из уважения к императору, нарушают ли его ради императора? Разнузданность дурных нравов может ли быть благочестием, и случай к роскоши может ли считаться уважением? О, мы по справедливости достойны осуждения! Ибо почему мы проводим императорские дни целомудренно, трезво и честно? Почему мы в торжественный день не увешиваем дверей лавровыми венками и не зажигаем светильников при ясном дневном свете? Почтенное дело облекать свой дом во время совершения общественного торжества в одежду какого-нибудь нового публичного дома.

Впрочем, и в этом вашем почтении ко второму (императорскому) величию, за которое нас, христиан, обвиняют во втором безбожии, потому что мы не совершаем одинаково с вами императорских торжеств так, как совершать не позволяет нам ни скромность, ни почтительность, ни целомудрие, и к чему побуждает скорее желание собственного удовольствия, чем благоразумие, – я желал бы показать вашу верность и честность, чтобы и отсюда видно было, что те хуже нас, христиан, которые не хотят считать нас римлянами, но хотят признавать в нас врагов римских императоров. К самим квиридам, к самому туземному народу семи холмов я обращаюсь с вопросом: щадил ли римский язык какого-либо своего императора? Свидетелями этого Тибр и школы зверей. Да, если бы природа покрыла сердца человеческие какою-либо прозрачною материею для пропускания света, то чьи сердца не оказались бы испещренными образами нового и нового императора, заботящегося о раздаче подарков? Это можно было бы видеть тогда даже в то время, когда кричат: «да умножит тебе Юпитер лета из наших лет». Христианин не умеет как произносить эти слова, так и желать нового императора. Но ты говоришь: такова чернь. Хотя чернь, однако, римская, и никто столько не мучит

христиан, как чернь. Другие сословия, благодаря своему положению, покорны по совести. Из самого сената, от всадников, из лагеря, из самого дворца не дует ничем враждебным. Но откуда и Кассии, и Нигры, и Альбины. Откуда те, которые преследовали императора между двумя лаврами? Откуда те, которые упражнялись в гимнастике, когда душили его? Откуда те, которые вооружившись вторгаются во дворец, будучи дерзче Сигериев и Парфениев? Из римлян, если не ошибаюсь, а, не из христиан. И все они на кануне восстания и совершали жертвоприношения за благоденствие императора, и клялись его гением, одно имя имея на устах, а другое в сердце, и христиан называли, конечно, общественными врагами. Но и те, которые теперь ежедневно открываются, как сообщники или одобрители злодейской партии, уцелевший остаток после поражения государственных преступников, какими свежими и ветвистыми лаврами украшали свои двери, какими высокими и блестящими лампами освещали вестибулы, какими изящными и роскошными подушками наполняли форум не для того, чтобы праздновать общественные радости, но для того, чтобы в торжество, чуждое своему сердцу, облечь желания собственного сердца и чтобы инаугурировать образ своей собственной надежды, причем они в сердце изменяли имя императора? Такие же услуги оказывают и те, которые вопрошают о жизни императоров астрологов, гаруспиков, авгуров и магов, к знанию которых, как произошедшему от ангелов отпадших и запрещенному Богом, христиане не прибегают даже и по своим делам. Кому же нужно разузнавать о продолжении жизни императора, кроме того, кто делает что-либо против него или желает, или надеется и ожидает чего либо после него? Ибо о продолжении жизни родственников спрашивают не с таким намерением, с каким о продолжении жизни господ. Один характер имеет любознательность родственников, а другой – любознательность рабов.

Глава 36

Если то верно, что врагами оказываются те, которые называются римлянами, то почему мы, которых считают врагами, исключаемся из числа римлян? Не можем ли и мы быть римлянами и быть врагами, так как врагами оказываются те, которые считались римлянами? Поэтому должное императорам почтение, уважение и верность состоит не в таких делах, которые могут совершать и враги для большего своего маскирования, но в таких, в которых Бог так же истинно открывается по отношению к императору, как необходимо Ему открываться по отношению ко всем людям. Конечно, и мы эти дела доброй души обязаны совершать не для одних только императоров. Мы никакого добра не совершаем под условием лиц, потому что мы ожидаем похвалы или награды не от человека, а от Бога, Требователя и Воздаятеля за безразличные (по отношению к лицам) благодеяния. Поэтому мы таковы же и к императорам, каковы к своим соседям. Ибо злое желание, злое дело, злое слово, злая мысль по отношению к кому бы то ни было нам одинаково воспрещаются. Все, что не дозвоительно по отношению к императору, то не дозвоительно и по отношению ко всякому другому человеку. Все, что не дозвоительно ко всем, то тем более не дозвоительно по отношению к тому самому, который столь велик по милости Бога.

Глава 37

Если нам повелевается, как я сказал выше, любить врагов своих, то кого нам ненавидеть? Равным образом если нам воспрещается воздавать оскорблением за оскорбление, чтобы самим не быть оскорбителями, то кого мы можем оскорблять? Об этом вы сами можете знать. Ибо сколько раз вы свирепствовали против христиан то по собственному желанию, то из повиновения законам? Сколько раз враждебная к нам чернь, даже миновав вас, нападала на нас камнями и огнем по собственному произволу? В самые неистовства вакханальские не щадят христиан даже мертвых, так как вытаскивают их из гробов, некоторых убежищ смерти, уже иными, уже не целыми, так как их рассекают и разрывают на части. Однако слышали ли вы когда-либо о нас, которых вы считаете за толпу заговорщиков, решившихся на смерть за свое дело, чтобы мы мстили вам за все это? А ведь одна ночь с немногими факелами могла бы щедро отмстить вам, если бы позволительно было у нас воздавать злом за зло. Но да отсутствует то, чтобы божественная секта защищалась человеческим огнем, или чтобы она скорбела о том страдании, которое служит к ее испытанию.

Впрочем если бы мы захотели выставить и открытых врагов, не только тайных мстителей, то был ли бы у нас недостаток в числе и силе их? Мавры, маркоманны, сами парфяне и пограничные им народы многочисленнее ли тех, которые распространились по всей вселенной? Мы существуем со вчерашнего дня, и наполнили собою все ваши места: города, острова, крепости, муниципии, места собраний, самые лагеря, трибы, декурии, дворец, сенат, форум. Одни только храмы ваши мы оставили вам. К какой открытой войне мы не были бы способны, на какую войну мы не были бы готовы, хотя бы и уступали вам в силе, – мы, которые так охотно дозволяем умерщвлять себя, если бы нашим учением не повелевалось нам скорее быть самим умерщвленными, чем умерщвлять других? Мы могли бы сразиться с вами и без оружия, и без бунта, отделясь от вас, как недовольные вами. Ибо если бы мы, составляя такое огромное число людей, удалились от вас на какой-либо отдаленный угол земли; то, конечно, потеря столь многих, каких бы то ни было, граждан не только была бы позором для вашего господства, но вместе с тем и наказанием. Без сомнения, вы ужаснулись бы при взгляде на свое одиночество, на остановку занятий, на какую-то неподвижность вселенной, как бы умершей. Вы постарались бы отыскивать тех, кем можно было бы

управлять. У вас осталось бы более врагов, чем граждан. Но теперь вы имеете очень немного врагов благодаря огромному числу христиан, почти всех граждан. Вы желали бы почти всех граждан, христиан, считать врагами и называть их врагами скорее человеческого рода, чем человеческого заблуждения. Кто же вас освободил бы от тех тайных и всегда расстраивающих души и здоровье ваше врагов? Я говорю о нападениях демонов, которых мы изгоняем из вас без награды, без платы. Нашему мщению достаточно было бы одного того, чтобы предоставить вас свободному господству нечистых духов. Но вы, не думая о вознаграждении нас за такую помощь, желаете считать нас не только тяжелым родом людей, но даже врагами. Да, мы враги, но не человеческого рода, а скорее человеческого заблуждения.

Глава 38

Поэтому без всякого опасения должно считать секту нашу между дозволенными факциями, так как она ничего не делает такого, из-за чего, обыкновенно, страшатся недозволенных факций. Ибо, если я не ошибаюсь, причина воспрещения факций состоит в заботе об общественном спокойствии, чтобы государство не разделялось на партии, которые легко могут беспокоить комиции, сенат, курии, народные собрания и зрелища вследствие соревнования в занятиях, особенно теперь, когда люди начали считать продажное и наемное дело своего насилия ремеслом. Но мы, совершенно равнодушные к славе и почестям, не имеем никакой потребности в собраниях, и ничто нам так не чуждо, как политическая жизнь. Мы признаем одно всеобщее государство – мир. Равным образом мы отказываемся и от зрелищ ваших настолько, насколько я от источников их, которые, как мы знаем, заимствованы из суеверия, так как нам чуждо и то, из чего они состояются. Наша речь, наше зрение, наш слух ничего общего не имеют с безумием цирка, с безнравственностью театра, с жестокостью арены, с пустотою ксиса. Каким образом мы вредим вам, если мечтаем о других удовольствиях? Если наконец мы не хотим наслаждений, то в этом находится, конечно, наша потеря, а не ваша. Но мы отказываемся от того, что вам нравится. И вы не наслаждаетесь нашими наслаждениями. Эпикурейцам было дозволено полагать сущность удовольствия в спокойствии духа.

Глава 39

Теперь я уж сам открою дела христианской факции, чтобы, отвергнув зло, показать добро. Мы тело (сoгpуs) благодаря познанию религии, единству учения и союзу надежды. Мы сходимся и собираемся для того, чтобы окружить Бога общими молитвами, как бы войском, собранным в одно место. Эта сила приятна Богу. Мы молимся и за императоров, их министров и власти, за существование рода человеческого, за спокойствие государства и за замедление конца мира. Мы сходимся для чтения Божественного писания, если обстоятельства времени требуют предостеречь от чего-нибудь или напомнить о чем-нибудь. Чрез Священное Писание мы, конечно, питаем веру, возвышаем надежду, утверждаем дерзновение и укрепляем дисциплину правилами. Там происходят также увещания, наказания и божественный суд. И суд производится, конечно, с большою тщательностью, так как судьи, христиане, знают, что его видит Бог, и что он (суд) есть самое главное предрешение суда будущего для того, кто так согрешит, что удаляется от общения в молитве, в собрании и во всяком святом деле. Председательствуют люди честные и старейшие, приобретшие эту честь не деньгами, а общим одобрением, ибо на деньгах не основывается никакое дело Божие. Если и есть у нас некоторое подобие денежного ящика, то он набирается не из почетных сумм, как бы из сумм религии, взятой на откуп. В наш ящик каждый в первый день месяца или когда хочет, если только хочет и если только может, делает небольшое подаяние. Ибо к этому никто не принуждается, но каждый приносит добровольно. Это есть как бы залог любви. ибо деньги, собранные в этот ящик, тратятся не на пиры, не на попойки и не на неблагодарные харчевни, но на питание и погребение бедных, на мальчиков и девочек, лишившихся имущества и родителей, и на стариков уже домашних, также на потерпевших кораблекрушение, и, если кто-либо находится или в рудниках, или на островах, или под стражей, то и он делается воспитанником своего исповедания. Но за такие дела и особенно за дела любви некоторые поносят нас. «Смотри, – говорят, – как они любят друг друга», ибо сами ненавидят друг друга, «как они готовы друг за друга даже умереть», ибо сами готовы друг друга убить. Но и то, что мы называем друг друга братьями, вменяют нам в порицание, полагаю не по другому чему либо, как потому, что у самих их всякое наименование родства заподозрено в страсти. А мы братья и вам по праву природы, единой матери всех, хотя в

вас мало человеческого, потому что вы злые братья. Но насколько справедливее и называются и считаются братьями те, которые познали единого Отца Бога, которые приняли одного Духа Святого, которые от одного чрева неведения с ужасом достигли до одного света истины. Но может быть мы потому не считаемся законными братьями, что никакая трагедия не говорит о нашем братстве, или потому, что мы братья по имуществу, которое у вас почти прекращает братство. Мы, соединяясь духовно, имеем общее имущество. У нас все нераздельно, кроме жен. В этом только мы не допускаем общения, в чем одном только другие имеют общение. Они не только сами пользуются женами друзей, но и весьма равнодушно предлагают им своих жен. Полагаю, так они поступают, следуя примеру мудрейших и старейших, грека Сократа и римлянина Катона, которые делились с друзьями своими женами, взятыми в супружество для рождения детей и от других лиц. Я не знаю достоверно, делали ли они это против воли своей. Впрочем зачем им было заботиться о своем целомудрии, когда сами мужья их так легкомысленно дарили их. О пример мудрости афинской и строгости римской: философ и цензор – сводники!

Итак, что удивительного, если такая любовь пирует? Поэтому вы и наши вечера (*cenulas*), обличая в великих злодеяниях, укоряете и в расточительности. Да, к нам относится изречение Диогена: «мегаряне устраивают такие пиры, как будто намерены завтра умереть, а здания воздвигают такие, как будто никогда не намерены умереть». Но всякий соломинку легче видит в чужом глазе, чем бревно в своем. Воздух заражается от отрыжек стольких и триб, и куриий, и декурий. Салиям, намеревающимся дать обед, необходим кредитор. Расходы на десятины Геркулеса и его обеды исчисляют табулярии. Для апатурий, дионисий, мистерий афинских объявляется выбор поваров? Дым, происходящий от приготовлений к Сераписову обеду, тревожит пожарную команду. Порицают же одну только столовую христиан. Вечеря (*сена*) наша свидетельствует о себе самым именем своим: она называется таким именем, каким греки называют любовь. Каких бы издержек наша вечеря ни стоила, но есть польза делать издержки во имя любви, так как мы на этой вечере помогаем всем бедным не потому, почему у вас паразиты стремятся к славе жертвовать своею свободою под условием насыщения чрева среди поношений, а потому, что Бог особенно печется о бедных. Если причина вечера почтенна, то об остальном судите по причине ее. Что же касается до обязанности религиозной, то она не допускает ничего низкого, ничего неумеренного. За стол садятся не прежде, чем выслушают

молитву Божию. Едят столько, сколько нужно для утоления голода. Пьют столько, сколько требуется людям воздержным. Они так насыщаются, что помнят, что им должно молиться Богу ночью. Говорят так, что знают, что их слышит сам Бог. После омовения рук и зажжения светильников каждый вызывается на средину петь Богу, что может, из Священного Писания или от собственного сердца. Отсюда уж видно, как каждый пил. Молитвою также и заканчивается вечеря. С вечера расходятся не в шайки убийц, не в толпы бродяг, не для совершения разврата, но для той же заботы о скромности и умеренности, как такие люди, которые не столько ели, сколько учились. Такое собрание, конечно, по справедливости недозволительно, если оно одинаково с недозволительными собраниями. Оно по справедливости должно быть осуждено, если па него приносят жалобы потому же, почему жалуются на факции. Собираемся ли мы когда-нибудь на чью либо гибель? Мы и собравшиеся то же, что и разъединенные; мы и все то же, что и каждый в отдельности: мы никого не оскорбляем, никого не огорчаем. Когда сходятся люди честные, добрые, когда собираются люди благочестивые, целомудренные, то такое собрание должно назвать не факцией (скопищем), а курией.

Глава 40

Напротив имя факции должно давать тем, которые сговариваются ненавидеть людей добрых и честных, которые единогласно требуют крови людей невинных, прикрываясь для оправдания своей ненависти тем ложным мнением, что они, христиане, виновники всякого общественного бедствия, всякого народного несчастья. Если Тибр вошел в стены, если Нил не разлился по полям, если небо не дало дождя, если произошло землетрясение, если случился голод или эпидемия; то тотчас кричат: «христиан ко льву». Столь многих к одному? Спрашиваю вас: прежде Тиберия, то есть прежде пришествия Христа, сколь великие бедствия обрушились на землю и города? Мы читали, что острова Гиера, Анафа, Делос, Родос и Кос погибли с многими тысячами людей. И Платон рассказывает, что земля, большая Азии и Африки, была погружена Атлантическим океаном. Но и Коринфское море образовало землетрясение и сила волн дала имя Сицилии, отделив ее от Лукании. Конечно, все это не могло случиться без вреда жителям. А где были тогда, не говорю, презрители ваших богов, христиане, но самые боги ваши, когда потоп опустошил всю землю, или, как полагает Платон, только изменности? Самые города, в которых они родились и умерли, а также и те, которые они основали, свидетельствуют, что они (боги) появились после потопа. Если бы эти города появились не после этого бедствия, то они не существовали бы до сего дня. Иудейскую толпу из Египта еще не приняла Палестина, и родоначальник христианской секты еще не поселился там, когда пограничные ей города, Содом и Гоммору, попали небесный огонь. Доселе страна та пахнет пожаром, и если каким-нибудь образом появляются там древесные плоды, то ими могут пользоваться только глаза, но никак не уста, потому что они (плоды) от прикосновения к ним обращаются в пепел. Также ни Этрурия, ни Кампания не жаловалась на христиан тогда, когда город Волсинии попала молния, а город Помпеи истребила его огнедышащая гора. Еще никто не почитал истинного Бога в Риме, когда Ганнибал модием измерял свою победу при Каннах при помощи римских колец. Всех ваших богов все почитали, когда сеноны овладели самым Капитолием. И хорошо то, что когда какие-либо бедствия случались с городами, то и храмы подвергались таким же разорениям, как стены, потому что я отсюда имею право заключать, что они происходили не от богов, так как касались их самих.

Род человеческий всегда заслуживал наказаний от Бога во-первых,

тем, что не исполнял своего долга по отношению к Нему, так как, уразумев Его отчасти, не только не искал Его, но даже измыслил себе других богов с тем, чтобы поклоняться им, – во-вторых тем, что, не ища Учителя невинности, Судии и Мздовоздоятеля виновности, он преисполнился всеми пороками и преступлениями. Но если бы нашел Его, то познавал бы Его. А если бы познавал, то почитал бы Его, и тогда Он был бы к нему скорее милостив, чем гневлив.

Итак, должно полагать, что и теперь гневается Тот же самый, Который гневался и всегда, прежде нежели появилось имя христиан. Так как род человеческий пользовался благами, появившимися прежде, чем он выдумал себе богов, то почему ему не полагать, что и бедствия происходят от Того, благ Которого он не чувствовал? Он виновен пред Тем, Кому неблагодарен. А впрочем если бы мы сравнили прежние бедствия с настоящими, то оказалось бы, что с тех пор, как мир принял от Бога христиан, они сделались легче. Ибо с того времени и невинность уменьшила неправды века и появились молитвенники Божии. Так, например, когда не бывает дождей и вследствие этого грозит голод, то вы, ежедневно сытые и постоянно готовые есть, потрудившись в банях, харчевнях и публичных домах, совершаете в честь Юпитера аквилиции, объявляете народу нудипедалии, ищете неба у Капитолия, ожидаете облаков с потолков, отвернувшись от самого Бога и от самого неба. А мы, иссохшие от постов, обессиленные от воздержания, удалившись от всякого удовольствия жизни, одевшись во вретнице и осыпавшись пеплом, стучимся в небо, касаемся Бога; а когда испросим милость, то чтят Юпитера.

Глава 41

Итак, вы наносите вред человеческим делам, вы всегда навлекаете общественные бедствия, так как вы Бога презираете, а статуи почитаете. Ибо должно считать более вероятным, что гневается Тот, Которого презирают, а не те, которых почитают. Или они, конечно, весьма несправедливы, если из-за христиан наносят бедствия и своим почитателям, от которых они должны были бы удалить то, чего заслужили христиане. Это, вы говорите, можно отнести и к вашему Богу, так как и Сам Он допускает, что почитатели Его страдают из-за язычников. Узнайте наперед распоряжения Его, и тогда не будете так возражать. Ибо Кто раз навсегда назначил вечный суд после конца века, Тот прежде конца века не отделяет своих почитателей от непочитателей, что составляет условие суда. Теперь Он по отношению ко всему роду человеческому одинаково и милостив, и строг. Он хочет, чтобы и добро, и зло, было обще и для Его почитателей, и для Его непочитателей, чтобы все одинаково испытывали Его милость и строгость. Так как мы этому научены от Его Самого, то любим Его милость, боимся Его строгости, а вы напротив презираете то и другое. Поэтому все удары века сего нам служат в назидание, а вам – в наказание. Но мы ими несколько не тяготимся во-первых потому, что нам ничего не нужно в этом мире, разве только то, как бы поскорее выйти из него, – во-вторых потому, что если случится какое либо бедствие, то оно приписывается вашим грехам. Хотя оно касается несколько и нас, так как мы живем вместе с вами; однако мы при этом скорее радуемся, так как познаем божественные предсказания, которые утверждают верность и истинность нашей надежды. Если же те, которых вы почитаете, посылают на вас все бедствия из-за нас, то зачем вы продолжаете почитать их, столь неблагодарных и столь несправедливых: они скорее должны были бы вам помогать и вас защищать во время бедствий христиан.

Глава 42

Но нас обвиняют также и в другого рода преступлениях. Говорят, что мы бесполезны для торговых дел. Каким образом бесполезны для этих дел те люди, которые живут вместе с вами, которые пользуются одинаковой пищею, одинаковой одеждою, которые имеют одно и то же домашнее хозяйство и одни и те же житейские потребности? Ибо мы не брахманы и не гимнософисты индийцев, которые обитают в лесах и отрекаются от жизни. Мы помним, что мы обязаны благодарить Бога, Господа, Творца. Мы не презираем ничего, что Он сотворил. Мы только воздерживаемся, чтобы не пользоваться чрез меру и во зло. Поэтому мы живем в этом мире не без форума, не без базара, не без общественных бань, не без лавок, не без фабрик, не без харчевен, не без нундин ваших и не без прочих ваших коммерций. Мы с вами и плаваем, и отправляем военную службу, и занимаемся сельским хозяйством, и торгуем, публикуя о своих искусствах и работая для вашего пользования. Я не понимаю, каким образом мы кажемся бесполезными для торговых дел, с которыми и от которых мы живем. Но если я не участвую в твоих религиозных церемониях, то однако я и в этот день бываю человеком. Я не купаюсь на рассвете во время Сатурналий чтобы не потерять и ночи, и дня; однако я купаюсь в должное и здоровое время, потому что оно сохраняет мне и цвет и кровь. Окоченеть и сделаться бледным после омовения я могу и после смерти. Я не возлежу за столом публично во время Либералий, что делают, обыкновенно, осужденные на бой со зверьми, обедающие в последний раз; однако, где я возлежу в этот день за столом обедаю из ваших запасов. Я не покупаю венка для головы. Разве для тебя важно то, как я пользуюсь цветами, которые, ведь, все таки куплены. Я думаю, приятнее бывает, когда они свободны, не связаны и наклонены во все стороны. Но и когда они сплетены в венок, мы носом обоняем венок. Пусть знают это те, которые обоняют волосами.

Мы не посещаем зрелищ, однако то, что там продается, я охотнее куплю в своих местах. Мы, конечно, не покупаем ладана, но если аравийцы жалуются на это, то савей должны знать, что у них больше и дороже покупают товар их для погребения христиан, чем для воскурения богам. По крайней мере, вы говорите, доходы храмов ежедневно уменьшаются: многие ли теперь жертвуют в пользу храмов? Мы, конечно, не в состоянии оказывать помощь и людям, и богам вашим нищенствующим. Не думаем, чтобы помощь нужно оказывать кому либо

другому, кроме того, кто просит ее. Пусть поэтому и Юпитер протянет руку, тогда и он получит, ибо наше милосердие иногда больше тратит по улицам, чем ваша религиозность в храмах. Но что касается до прочих пошлин, то за них должно благодарить христиан, так как они уплачивают их добросовестно. Мы не присвоаем себе ничего чужого путем лжи. Если сосчитать, сколько теряет казна благодаря лжи и обману ваших показаний, то легко можно будет видеть, что подати в пользу храмов вознаграждаются с нашей стороны другими податями.

Глава 43

Впрочем признаюсь, кто действительно не без основания может жаловаться на бесполезность христиан. Это прежде всего содержатели публичных домов, сводники, прелюбодеи, потом убийцы, составители ядов, маги, затем гаруспики, колдуны и астрологи. Но не приносить им никакой пользы значит приносит великую пользу. А впрочем какой бы ни был убыток вам от этой секты, он может вознаграждаться с некоторою лихвою. Сколько вы имеете, не говорю уж, таких, которые изгоняют из вас демонов, не говорю уж, таких, которые молят за вас истинного Бога, но таких, которых вы нисколько не можете опасаться.

Глава 44

Но когда убивают столько нас, людей справедливых, когда умерщвляют столько нас, людей невинных, то такой великой и действительной потери государства никто не видит, на такое оскорбление права общественного никто не обращает внимания. За свидетельством этого я обращаюсь к вашим актам, так как вы ежедневно председательствуете для совершения суда над преступниками, так как вы произносите приговоры над ними, Вы исчисляете столько преступников по разным обвинительным таблицам. Кто там называется разбойником, кто – карманщиком, кто – святотатцем или кросмесником или грабителем купающихся, кто также и христианином? Когда христиане являются под своим именем, то кто из них таков, каковы столь многие преступники? Ваши всегда наполняют темницы, ваши издают стоны в рудниках, ваши всегда насыщают зверей, ваши всегда составляют стада тех преступников, которых откармливают мунерарии. Там нет ни одного христианина; а если есть, то потому только, что он христианин; или если он ест там по другой причине, то он уж не христианин.

Глава 45

Итак, мы одни только невинны. Что удивительного, если это необходимо? Да, действительно необходимо. Невинности нас научил Бог, и мы знаем ее в совершенстве, так как она открыта Учителем совершенным, и мы верно храним ее, так как она заповедана нам таким Существом, Который есть Судия не презираемый. Вас же научил невинности человеческий ум и человеческая власть вам заповедала ее. Поэтому вы не имеете совершенного и возбуждающего к себе благоговение учения, могущего наставить вас истинной невинности. Мудрость человеческая настолько сильна показать то, в чем состоит добро, насколько авторитет в состоянии заставить делать его. Как та легко может заблуждаться, так этот легко может презираться. И в самом деле что лучше сказать: «не убей», или учить: «даже не гневайся»? Что совершеннее – запретить прелюбодеяние плотское, или повелеть воздерживаться даже от духовного прелюбодеяния? Что возвышеннее запретить делать зло, или запретить говорить зло? Что похвальнее не наносить обид, или даже не отвечать на обиды обидами?

Впрочем вы должны знать, что и самые ваши законы, научающие по-видимому невинности, заимствованы от божественного закона, как древнейшего. О времени жизни Моисея мы уже сказали. Но какой авторитет принадлежит человеческим законам, которые очень часто случается избегать человеку, так как большая часть преступлений его бывает неизвестна, а иногда и презирать, так как он нарушает их по собственной воле и по обстоятельствам? Возьмите во внимание также кратковременность всякого наказания, по крайней мере ни одно наказание не простирается за пределы смерти. Поэтому и Эпикур низко ценит всякое мучение и всякую болезнь, говоря, что то и другое заслуживает презрения, ибо продолжительные мучения и болезни бывают не велики (умеренны), а большие – не продолжительны. Напротив того, мы, зная, что Бог все видит, и что наказания Его вечны, одни только стараемся быть невинными. Мы вполне знаем и то, в чем состоит невинность, и то, что укрыться от очей Божиих нельзя, и то, что мучения будут не временные, а вечные. Мы боимся Того, Которого должен бояться и сам тот, который судит боящихся, мы боимся Бога, а не проконсула.

Глава 46

Мы устояли, как я полагаю, против всех обвинений, которые требуют христианской крови, Мы показали, каковы мы а равно и то, чем мы можем доказать, что мы действительно таковы. Это, как сказано выше, можно доказать нашей религией, древностью Священного писания, а также сознанием злых духов. Кто дерзнет обличать нас во лжи, пользуясь при этом не софистическими средствами, а теми же самыми, какими и мы? Но когда истина наша становится очевидною для каждого, тогда неверие, изобличаемое всем известным благом нашей секты, утверждает, что она во всяком случае не Богом учреждена, что она есть скорее какой либо особенный вид философских школ. Говорят: и философы тому же самому учат и то же самое проповедывают, чему учат и что проповедывают христиане, именно: невинность, справедливость, терпение, трезвость, стыдливость. Почему же тех, учение которых считается одинаковым с нашим учением, не равняют с нами и в других отношениях? Почему они имеют право безнаказанно проповедовать свое учение, а мы не имеем этого права? Или почему и их, как подобных нам, не принуждают к тому же самому, к чему и нас принуждают и за неисполнение чего нас подвергают пыткам? Ибо кто принуждает философа или приносить жертвы или клясться или носить зажженные свечи среди бела дня ради суетного величия. Напротив, они открыто ниспровергают ваших богов и порицают общественные верования в своих сочинениях, а вы хвалите их. Многие из них лают даже на императоров, а вы терпите это, и скорее бывает то, что они получают за это статуи и жалованье, чем осуждаются на съедение диким зверям. Но это справедливо, ибо философы не называются христианами. Имя философа не обращает демонов в бегство. Почему и обращать, когда философы считают демонов первыми после богов? Вот слова Сократа: «если демон позволит». Хотя Сократ и знал отчасти истину, ибо он отрицал богов; однако уже пред смертью велел принести в жертву Эскулапу петуха, вероятно, для того, чтобы почтить отца его, потому что Аполлон объявил Сократа мудрейшим из всех людей. О несообразительный Аполлон! ты назвал мудрейшим того, кто отвергал бытие богов. Насколько истина возбуждает против себя ненависть, настолько терпит тот, кто стоит за нее (истину) и по совести охраняет ее. Кто же искажает ее и только по-видимому держится ее, тот приобретает себе расположение у преследователей ее. Если философы подражают истине на подобие мимиков и при этом искажают ее, чтобы достигнуть

собственной славы, то христиане и ищут ее, как необходимую, и в точности сохраняют ее, так как заботятся о спасении своем. Поэтому мы не имеем сходства с философами ни в теоретическом отношении, ни в практическом. Ибо что Фалес, первый философ физической школы, сообщил верного о Боге спрашивавшему его неоднократно Крезу?

Напрасно Фалес испрашивал себе отсрочек для более зрелого обсуждения. Любой христианский ремесленник и находит Бога, и показывает Его, и самым делом выражает то, что требуется по отношению к Нему, хотя Платон утверждает, что образователя вселенной трудно найти и, нашедши Его, трудно сообщить о Нем всем. Если мы сравним философов с христианами в отношении целомудрия, то что окажется? Я читаю часть приговора о Сократе: он признается растлителем юношей. А христианин не изменяет и женскому полу. Я знаю, что и Фрина похотствовала ради преступной страсти Диогена. Я слышу, что и некто Спевзипп, последователь Платона, погиб при совершении прелюбодеяния. Христианин рождается мужчиною только для одной своей жены. Демокрит, ослепивший себя самого, потому что не мог смотреть на женщин без вожделения и мучения, если не удовлетворял страсти своей, ясно доказал этим ослеплением свое невоздержание. Христианин и здоровыми глазами не видит в женщинах женщин: его душа слепа для страсти. Если бы я стал защищать христиан в отношении смирения, то вот Диоген грязными ногами топчет гордые перины Платона – одну гордость – другою. А христианин не горд и по отношению к бедному. Если бы я стал спорить об умеренности, то вот Пифагор домогается тирании у турийцев, а Зенон – у приенов. А христианин не домогается и эдильста. Если бы я хотел состязаться о терпении, то Ликург обрек себя на голодную смерть, потому что лакедемоняне исправили законы его. А христианин благодарит даже осужденный. Если бы я стал сравнивать христианина с философом по отношению к верности, то вот Анаксагор отказал своим гостям в закладе. А христианина даже сторонние называют верным. Спорить ли мне о человечности? Аристотель друга своего Гермия лишил места гнусным образом, а христианин не наносит вреда даже врагу своему. Тот же Аристотель гнусно льстил Александру, которым он должен был бы управлять, и Платон продал себя Дионисию ради желудка. Аристипп в пурпуре и под маской великой важности предавался роскоши; Гиппий был убит в то время, когда составлял козни для своего города. Но христианин никогда не старается льстить согражданам, хотя они обращаются с ним со всею жестокостью. Быть может, кто возразит нам, что некоторые и из наших отпадают от правильного учения. Поэтому мы перестаем считать

их христианами, а вышеупомянутые философы, не смотря на такие свои дела, продолжают и носить то же имя, и почитаться за свою мудрость.

Итак, что же сходного между философом и христианином, учеником Греции и учеником неба, между домогающимся славы и ищущим спасения, между мудрецом на словах и мудрецом на деле, между строителем и разрушителем, между другом заблуждения и врагом его, между поддельвателем истины и верным толкователем ее, между вором ее и стражем ее?

Глава 47

Истина древнее всего, если я не ошибаюсь. Доказанная выше древность Священного писания содействует уверению в том, что оно было сокровищницею для всякой последующей мудрости. Если бы я не стеснялся объемов сочинения, то доказал бы и это. Кто из поэтов, кто из философов есть такой, который не черпал бы ничего из писаний пророков? Там и философы находили удовлетворение своему жаждущему духу. Поэтому только в том, что они почерпнули от нас, можно сравнивать нас с ними. Вследствие этого, как мне кажется, некоторые и воспрещали философию. Я разумею при этом жителей Фив, Спарты и Аргоса. Хотя философы обращались к нашим писаниям, однако они, как люди жадные до славы, о чем уже сказано выше, и до красноречия, изменяли по собственному произволу все то, что находили там, ибо они не верили настолько в божественность этих писаний, чтобы не дозволить изменять их, и не понимали их надлежащим образом, так как они тогда были покрыты облаком и были темны самим иудеям, которым они принадлежали. До и там, где истина была в простой одежде, человеческий ум, презревший веру, еще более делал изменений. Поэтому и то достоверное, которое философы нашли, сделали не достоверным. Лишь только они, нашедши Бога, стали рассуждать о Нем не так, как нашли Его, то заспорили и о Его свойствах, и о Его сущности, и о Его местопребывании. Одни утверждают, что Он бестелесен, а другие, что Он телесен: первое – платоники, а второе – стоики. Одни учили, что Он состоит из атомов, как Эпикур, а другие, что из чисел, как Пифагор, а третьи, что из огня, как Гераклит. По мнению платоников Он управляет миром, а по мнению эпикурейцев, Он празден и бездеятелен, и по отношению к человеческим делам как бы не существует. Стоики думают, что Он находится вне мира и миром движет извне, как горшечник своим колесом, а платоники, наоборот, что Он существует внутри мира, подобно кормчему, который находится на том корабле, которым правит. Точно также высказывают различные мнения и об этом мире: по одним он произошел, а по другим нет; одни полагают что он погибнет, а другие утверждают, что он будет существовать вечно. Не менее споров у них и о душе: одни считают ее божественною и вечною, а другие полагают, что есть конец ее бытия. Каждый сделал такие изменения, какие хотел.

И не удивительно, если Ветхий Завет искажен умами философов. Даже и Новый Завет потомки философов, еретики, исказили своими

мнениями ради философских доктрин, и из одной прямой дороги наделали много кривых и неудобопроходимых тропинок. Это я хочу наперед заметить, чтобы, если кому известно различие в христианской секте, не казалось, что христиан в этом отношении можно сравнивать с философами, и чтобы не осуждал он истину за разнообразие ее пониманий. Своим искаителям мы возражаем без всяких затруднений, что то есть правило истины, что произошло от Христа и передано Его спутниками, которые, очевидно, жили несколько раньше этих различных комментаторов. Все, что против истины, произошло от самой истины вследствие старания духов заблуждения подражать ей. Они виновники искажений христианского спасительного учения; ими пущены некоторые басни с тем, чтобы разрушить веру в истину путем сходства или добиться ее (веры) для себя. Ибо есть такие, которые думают, что не должно верить христианам, потому что не должно верить поэтам и философам, или что должно верить поэтам и философам; потому что не должно верить христианам. Поэтому, если мы проповедуем, что Бог некогда будет судить, то над нами смеются, ибо говорят, и поэты и философы возвещают о суде в подземном царстве. И если мы угрожаем геенною, которая есть вместилище тайного огня для подземного наказания, то над нами еще более смеются, ибо это подобно реке Пирифлегетону в царстве мертвых. И если мы говорим о рае, как месте блаженства, назначенном для принятия душ святых и отделенном от нашего шара некоторою стеною огненного пояса, то елисейские поля уже овладели такою верою. Но откуда, спрашиваю вас, произошло такое сходство у философов и поэтов, если не из наших священных книг, как древнейших? Но если это так, то наше учение тем более имеет право на веру, когда и копиям его верят. Если же учения философов и поэтов произошли от их собственных душ, то наши священные книги должны считаться копиями их, чему противоречит однако самое существо дела, ибо никогда тень не предшествует телу, а копия – оригиналу.

Глава 48

Уж довольно об этом. Если какой-нибудь философ станет утверждать, что человек, как говорит Лаберий согласно учению Пифагора, делается из мула, а змея – из женщины, и для доказательства этого употребит все искусство диалектики и красноречия, то не вызовет ли он согласия с собою и не возбудит ли твердой решимости воздерживаться от мяса животных из опасения, как бы в этом мясе не сесть плоти какого либо своего предка? Но если христианин станет учить, что из человека снова делается человек и именно из Гая – Гай, то народ закричит, что такого учителя не только не должно слушать, но должно даже побить камнями или по крайней мере не должно приходить к нему. Если есть какое либо основание к возвращению человеческих душ в тела, то почему они не могут возвратиться в те же самые тела, в которых были и прежде, ибо это действительно значит воскреснуть (*restitui*), снова сделаться тем, чем были прежде. Сами они не то, чем были прежде, потому что они не могут быть тем, чем не были, если не перестают быть тем, чем были. Если бы мы захотели рассуждать о том, кто в какого зверя должен преобразиться, то потребовалось бы много шуток и много праздного времени. Но будем говорить более о том, что касается нашей защиты. Мы проповедуем, что, конечно, гораздо благоразумнее верить, что человек произойдет из человека, какой угодно – из какого угодно, лишь бы человек из человека, чтобы та же самая натура души перешла в ту же самую натуру тела, хотя бы и не в тот же самый образ. Конечно, так как причина воскресения состоит в назначении суда, то необходимо должен явиться тот же самый человек, который и был, чтобы получить от Бога определение награды или наказания.

И тела должны воскреснуть, потому что одна душа не может страдать без твердой материи, то есть, плоти, и потому что то, что души вообще должны переносить по суду Божию, они заслужили не без тел, в которых они все делали. Но каким образом, ты спрашиваешь, может явиться на суд разрушившаяся материя? Порассмотри себя самого, о человек, и поверишь этому. Вспомни, что ты был, прежде чем стал существовать. Конечно, ничто; ибо если бы ты был что либо, то ты помнили бы это. Поэтому ты, который был ничто, прежде чем стал существовать, обратившись в то же, то есть, ничто, когда перестанешь существовать, отчего по воле Того же самого Виновника, Который пожелал, чтобы ты был из ничего, снова не можешь появиться из ничего? Что нового случится с тобою? Ты когда-то

не был, однако явился; также явился, когда тебя снова не будет. Объясни, если можешь, как ты явился, и тогда спрашивай, как ты явишься. А однако во всяком случае легче тебе сделаться тем, чем ты был некогда, потому что ты без труда некогда сделался тем, чем никогда не был. Думаю, быть может, сомневаются в силе Бога, создавшего такой мир из того, что не существовало, так сказать, из бездны пустоты и ничтожества, оживившего его духом, оживляющим все души, и открывшего самый пример человеческого воскресения во свидетельство вам. Свет, ежедневно исчезающий, снова появляется; точно также и тьма после своего исчезновения снова возвращается. Потухшие звезды снова испускают лучи. Времена там начинаются где оканчиваются. Плоды созревают и снова растут. Семена только такие дают обильный рост, которые сгнили. Все сохраняется погибая, и все восстанавливается чрез погибель. Ты, человек – какое великое имя, если бы ты понимал себя хоть вследствие изречения Пифии, – господин всего того, что умирает и оживает, неужели умрешь для того, чтобы не восстать? Где бы ты ни прекратил свою жизнь, какая бы сила тебя ни истребила, ни поглотила, ни уничтожила, она возвратит тебя. Тому принадлежит и самое ничто, кому все (totum). Поэтому, вы говорите, должно всегда умирать и всегда воскресать. Если бы Владыка вселенной сделал такое определение, то тогда по необходимости, против воли должны были бы подчиняться ему. Но Он теперь определил так, как возвестил. Тот разум, который образовал вселенную из противоположных субстанций – из пустого и плотного, из одушевленного и неодушевленного, из осязаемого и неосязаемого, из света и тьмы, из жизни и смерти, так распределил и устроил, что первый период существования мира, в котором мы живем, временен, а второй, которого мы ожидаем, вечен. Поэтому, когда наступит конец века и когда временная форма этого мира, распростертая пред вечностью на подобие завесы, изменится; тогда воскреснет весь человеческий род для получения того, чего заслужил в этом веке – хорошего или худого, и для определения того и другого на беспредельную вечность. Следовательно уже не будет ни новой смерти ни нового воскресения, но будем теми же, какие теперь, и не будем другими после того, именно: почитатели Бога, облеченные вечными телами, будут находиться пред лицом Его всегда, а непочитатели Его будут наказаны вечным огнем, который по своей натуре именно божественной будет нескораем. И философам известно различие между огнем тайным и явным или обыкновенным. Издавна одним огнем пользуются люди, а другой служит орудием божественного суда. Этот последний огонь или низводит с неба молнию или изрыгает пламя из земли чрез кратеры. Он не

уничтожает того, что жжет, но по мере того, как истребляет, созидает. Поэтому горы всегда пылают, и тот, кого поражает небесная молния, остается невредим, так что его не обращает в пепел уже никакой огонь. И это может свидетельствовать об огне вечном и быть примером непрестанного суда, производящего наказание: горы горят и остаются целы. Что же преступники и враги Божии?

Глава 49

Такое учение, когда мы проповедуем, считают предрассудком, а когда – философы и поэты, – наивысшим знанием и печатью гениальности. Они мудры, а мы глупы; они достойны чести, а мы – насмешек и даже более того – наказаний. Положим, что то учение, которое мы теперь защищаем, на самом деле есть предрассудок; но оно необходимо. Положим, что оно глупо; однако полезно, так как те, которые верят ему, вынуждаются делаться лучшими, боясь вечного огня и надеясь на вечное блаженство. Поэтому не следует называть ложным и считать глупым то, что способствует предвидеть истину. Ни под какими предлогом не позволительно осуждать то, что полезно.

Итак, вы заслуживаете обвинения в предрассудке, так как осуждаете то, что полезно. Поэтому учение наше не может быть глупо. Но если оно ложно и глупо, то однако никому не приносит вреда. Его, конечно, нужно было бы поставить в один ряд со многими другими учениями, за которые вы не подвергаете никакому штрафу, так как они пусты и легендарны, и за которые вы не обвиняете и не наказываете, так как они безвредны. Но и в таком случае его должно подвергать (если только должно) осмеянию, а не мечам, огням, крестам и зверям. Вследствие этой несправедливой жестокости не только невежественная толпа, но и некоторые из вас приходят в фанатизм, именно те, которые расположением черни снискивают путем несправедливости, и хвастаются этим. А как будто все то, что вы можете делать против нас, не от нашей воли зависит. Конечно, я христианин, если желаю этого. Следовательно, ты тогда только можешь осуждать меня, когда я пожелаю быть осужденным. Но если того, что можешь против меня, ты не можешь, если я не захочу; то уж то, что ты можешь, зависит от моей воли, а не от твоей власти. Поэтому и чернь напрасно считает своим триумфом наши мучения. Этот триумф, который она приписывает себе, скорее принадлежит нам, которые желают скорее подвергнуться осуждению, чем отпасть от Бога. Напротив, те, которые нас ненавидят, должны были бы скорее печалиться, чем радоваться, так как мы достигаем того, что избрали.

Глава 50

Поэтому, вы говорите, зачем вы жалуетесь на то, что мы преследуем вас, если вы желаете страдать? Напротив, вы должны были бы благодарить тех, чрез которых переносите то, чего желаете. Да, мы хотим страдать; но так, как и воин хочет войны. Он переносит ее не с удовольствием, так как с нею связаны страх и опасность. Однако он и сражается всеми силами, и, побеждая, радуется в сражении, потому что приобретает славу и добычу, хотя жаловался на сражение. Наше сражение состоит в том, что мы вызываемся на суд, чтобы бороться за истину под страхом лишиться жизни. Удержание же тоги, за что боремся, составляет нашу победу. Эта победа имеет и славу – быть угодным Богу, и добычу – жить вечно. Но нас ведут на смерть, конечно, тогда, когда удерживаем то, за что боремся. Поэтому мы побеждаем, когда нас убивают; наконец мы уходим из мира, когда нас ведут на суд. Теперь вы можете называть нас сарментиями и семаксиями, потому что нас сжигают, привязав к дереву, разделенному пополам, и обложив кругом сучьями. Таков наружный вид нашей победы; таково наше почетное одеяние; на такой колеснице мы совершаем триумф. Поэтому мы не без основания не нравимся побежденным; поэтому нас считают людьми отчаянными и погибшими. Но эта отчаянность и эта гибель возносит у вас знамя мужества до дела славного и почетного. Муций охотно оставил свою правую руку на жаровне: о крепость духа! Эмпедокл отдал всего себя огню Этны: о сила воли!

Известная основательница Карфагена с костром сочеталась вторым браком: о чудо целомудрия! Регул, чтобы не жить одному для пользы многих неприятелей, получил раны на всем теле: о муж храбрый и победитель в плену! Анаксарх, когда его насмерть били в ступе, говорил: «бейте, бейте мех Анаксарха, ибо Анаксарха вы не бьете»: о мужество философа, шутившего даже и при такой своей кончине. И опускаю тех, которые, желая приобрести себе имя, убивали самих себя мечем или других каким-либо более легким способом, хотя вы хвалите и за такого рода страдания. Афинская гетера, утомив палача, выплевывает наконец свой откушенный язык в лицо тирана, чтобы не иметь возможности открыть заговорщиков, если бы она, вынужденная пытками, и решилась сделать это. Когда Зенон Элеец, будучи спрошен Дионисием о том, что доставляет человеку философия, ответил: презрение в смерти, и когда этот тиран повелел бить его плетьюми; то он бесчувственный доказывал самым делом свои слова до самой смерти. Жестокие бичевания лакедемонян,

совершавшиеся на глазах родственников, которые даже поощряли к ним, столько приносили чести терпящему дому, сколько проливали крови. О позволительная слава, потому что человеческая! Ей не приписывают ни пагубного предрассудка, ни отчаянного упорства, когда она презирает смерть и всякого рода мучения. Ей дозволено столько терпеть за отечество, за собственность, за власть, за дружбу, сколько не дозволено терпеть за Бога. И, кроме того, вы поставляете всем им статуи, делаете изображения с надписями и вырезаете на досках похвальные слова для всегдашнего памятования. Да, вы чрез монументы некоторым образом обеспечиваете мертвым воскресение, насколько то вы можете. А кто ожидает от Бога истинного воскресения, когда страдает, тот безумен. Но, добрые наместники, гораздо лучшие в глазах народа, если приносите ему в жертву христиан, делайте это, распинайте нас на крестах, подвергайте пыткам, осуждайте, истребляйте. Ваша несправедливость доказывает нашу невинность. Поэтому Бог допускает переносить нам все это. Еще недавно вы открыто признали, что у нас нарушение целомудрия считается тяжелее всякого другого наказания и всякого рода смерти, ибо вы приговорили христианку к отдаче в публичный дом, а не на растерзание льву. Но никакая изысканная жестокость ваша не приносит вам успеха; она скорее располагает к секте нашей. Чем более вы истребляете нас, тем более мы умножаемся; кровь христиан есть семя. Многие и из ваших убеждают терпеливо переносить скорбь и смерть, как например; Цицерон в Тускуланах, Сенека – в Фортуитах, Диоген, Пиррон, Каллиник; однако они не находят себе столько учеников, сколько христиане, ибо те учат словами, а эти – делами. Самое упрямство, за которое вы осуждаете, есть учительница. Ибо кто, видя его, не постарается поразмыслить, в чем тут дело. Кто не приходит к нам, лишь только поразмыслит? Кто не пожелает страдать, лишь только придет, чтобы получить вполне милость Божию, чтобы через кровь свою приобрести прощение за свои грехи? Ибо все грехи отпускаются за это. Поэтому мы здесь же воздаем благодарность за ваши приговоры. Так как человеческое и божественное право находится в неприязненном отношении, то Бог прощает нас в то самое время, когда вы осуждаете.

Содержание

Тертуллиан Апологетик Тертуллиан	1
Глава 1	2
Глава 2	5
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	29
Глава 13	31
Глава 14	33
Глава 15	35
Глава 16	37
Глава 17	39
Глава 18	40
Глава 19	42
Глава 20	44
Глава 21	45
Глава 22	50
Глава 23	52
Глава 24	55
Глава 25	57
Глава 26	60
Глава 27	61
Глава 28	62
Глава 29	63
Глава 30	64
Глава 31	66
Глава 32	67
Глава 33	68
Глава 34	69

Глава 35	70
Глава 36	72
Глава 37	73
Глава 38	75
Глава 39	76
Глава 40	79
Глава 41	81
Глава 42	82
Глава 43	84
Глава 44	85
Глава 45	86
Глава 46	87
Глава 47	90
Глава 48	92
Глава 49	95
Глава 50	96